

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

„Артилерійскій Журналъ“ 1865 г., №№ 9, 10, 11 и 12, и 1866 г., № 1.—„Русскій Архивъ“ 1863—1865 годовъ.—Die italienische Armee in ihrem heutigen Bestande, von v. Wittich. Berlin. 1865.—Французскій военно-уголовный кодексъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Пер. Н. Максимовъ. 1866.

Артилерійскій Журналъ 1865 года, №№ 9, 10, 11, 12, и нынѣшняго года № 1.

При богатствѣ самыхъ разнообразныхъ техническихъ вопросовъ по части артилеріи, неудивительно, что въ „Артилерійскомъ Журналѣ“ рѣже чѣмъ въ другихъ военно-периодическихъ изданіяхъ можно встрѣтить статьи военно-историческаго содержанія; тѣмъ не менѣе въ немъ и по этой части время отъ времени появляются довольно капитальныя и нелишенныя интереса статьи. Такъ, въ 1864 году, въ журналѣ этомъ печатались статьи г. Н. Ходнева: „Свѣдѣнія о терской казачьей артилеріи“, могущія служить прекраснымъ матеріаломъ для будущаго историка нашихъ кавказскихъ войнъ. Въ прошломъ же году начатъ рядъ статей, еще болѣе интересныхъ, г. М. Д. Хмырова: „Артилерія и артилеристы въ до-петровской Руси“. Значеніе этихъ статей лучше всего выясняетъ самъ же авторъ ихъ, въ своемъ предисловіи.

„Вопросъ о томъ — говорить онъ — имѣла ли до-петровская Русь артилерію и артилеристовъ въ прямомъ значеніи этихъ понятій, конечно, можетъ и долженъ быть рѣшенъ почти отрицательно. Нельзя отвергать, что ни до-петровскій *нарядъ*, въ смыслѣ совокупности всѣхъ артилерійскихъ орудій и при-

Т. LXVIII. Отд. III. 8

надлежавшихъ къ нимъ снарядовъ, ни лица, въ сословномъ качествѣ *пушкарей* потомственно служившія при нарядѣ, ни лица, въ случайномъ составѣ *пушкарскаго приказа* вѣдавшія нарядъ, не были приведены въ то стройное единство, какое представляютъ нынѣшняя артилерія и нынѣшніе артилеристы. Да и откуда могло бы взяться подобное единство въ то время, когда нарядъ, покупаемый ли за границею, приготовляемый ли дома, дѣлался безъ всякой системы, по личному произволу выписныхъ или доморощенныхъ мастеровъ; когда пушкарки, занимавшіе приемы обращенія съ нарядомъ единственно изъ обычая отцовъ, смотрѣли на службу свою какъ на ремесло; когда самые члены пушкарскаго приказа, возникнувшаго не столько изъ сущности артилерійскаго дѣла, сколько въ соотвѣтствіе тогдашнему распорядку московской администраціи, получали назначеніе свое не ради какихъ-либо спеціальныхъ познаній въ технической, строевой и тѣмъ менѣе теоретической части артилеріи, а просто въ силу требованій и условій всепроникавшаго мѣстничества. Совсѣмъ тѣмъ, артилерійское дѣло велось въ до-петровской Руси извѣстнымъ порядкомъ, который, послѣдовательно систематизируясь, не только не отставалъ отъ подобнаго же порядка въ остальной Европѣ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже упреждалъ Европу. Доказательствомъ послѣдняго служить, на примѣръ, употребленіе царемъ Иваномъ IV Грознымъ (1533—1584) полковой артилеріи, первоначальное введеніе которой несправедливо приписывается иностранцами шведскому королю Густаву-Адольфу (1611—1632). Что же касается возможности подробно и точно изложить порядокъ развитія артилерійскаго дѣла въ до-петровской Руси, возможность эта едва-ли существуетъ, потому что ни въ обрывкахъ дѣла пушкарскаго приказа, ни въ другихъ донинѣ изданныхъ памятникахъ русской старины не сохранилось многихъ данныхъ, необходимыхъ для полнаго, систематическаго изслѣдованія вопроса о древне-русской артилеріи. Стало быть, и мы, вовсе не имѣя въ виду братья за такое или подобное изслѣдованіе, намѣрены только сдѣлать историко-характеристическій очеркъ артилерійскаго дѣла въ до-петровской Руси, который, вмѣстѣ съ имѣющимъ слѣдовать за нимъ очеркомъ: „Русская артилерія и русскіе артилеристы въ единомъ государствѣ Петра I“, послужитъ введеніемъ къ изготовляемому нами ряду біографическихъ статей о русскихъ генералъ-фельдцейхмейсте-

ракъ, какъ главныхъ дѣятелей на поприщѣ постепеннаго совершенствованія русской артилеріи.“

Сообразно съ этимъ въ № 9 „Артилерійскаго Журнала“ помѣщенъ историческій очеркъ русской артилеріи до Петра I, въ №№ 10 и 11 такой же очеркъ артилеріи въ единоедержавіе Петра I, наконецъ, съ № 1 нынѣшняго года, начать рядъ біографій русскихъ генералъ-фельдцейхмейстеровъ, именно сообщено жизнеописаніе перваго изъ нихъ — царевича Александра Арчиловича Имеретійскаго. Приведемъ нѣкоторые главнѣйшіе факты изъ этихъ историческихъ очерковъ, чтобы познакомить читателей съ состояніемъ артилеріи въ Россіи въ до-петровскія времена и во время царствованія Петра Великаго.

Артилерійскія орудія появились въ Россіи гораздо позднѣе, чѣмъ въ западной Европѣ, именно только въ 1389 году, послѣднемъ княженіи Дмитрія Донскаго. Первые орудія получались изъ-за границы и, по предположенію г. Хмырова, вѣроятно, были орудіями страннаго вида, отличавшимися отъ нынѣшнихъ небольшими, отдѣленными отъ длинныхъ каналовъ, камерами безъ запаловъ, но съ задними отверстіями для воспламененія заряда, и назначались къ бросанію каменныхъ, желѣзныхъ, огненныхъ, даже какихъ-то *воиучихъ ядеръ*, изобрѣтенныхъ въ 1385 году; прирѣплялись они къ дурно-устроеннымъ станкамъ, возвышаемымъ или понижаемымъ помощію подвижныхъ желѣзныхъ брусевъ, а заряжались шуфлюю и, вѣроятно, по нѣмецкому обычаю, въ силу котораго вѣсъ заряда долженствовалъ быть вдесятеро меньше вѣса снаряда. Орудія эти долго употребляли соединенно съ неогнестрѣльными метательными машинami, и отдѣленіе ихъ отъ послѣднихъ совершилось уже при Иванѣ III (1462—1505), въ княженіе котораго русскіе впервые свѣдали о возможности вывозить орудія даже въ полевые сраженія и, прекративъ выписываніе орудій изъ-за границы, начали изготовлять ихъ у себя дома.

Для учрежденія отливки орудій, Иванъ III, отправляя, въ 1473 году, посольство къ венеціанскому дожу, наказывалъ послу своему, Семену Толбузину, розыскать въ Венеціи и пригласить въ Москву искуснаго зодчаго, который бы съ тѣмъ нѣмѣсть былъ хорошій литейщикъ. „Семень Толбузинъ — сказано въ одной лѣтописи—и привагъ съ собою мастера *Муролы*, кой ставитъ церкви и палаты, Аристотеля именемъ, такожъ и пушечникъ оной нарочитъ, лети ихъ и бити изъ нихъ, и коло-

колы, и ино все лѣти хитръ вельми.“ (*) Этотъ мастеръ Муроль, прозываемый за свое искусство Аристотелемъ, былъ знаменитый тогда въ Европѣ механикъ, инженеръ и архитекторъ *Альберти Фіораванти*, надѣлавшій архитектурныхъ чудесъ въ Болоньѣ, пожалованный венгерскимъ королемъ, за постройку необычайнаго моста, въ рыцари, убѣдительно приглашаемый султаномъ Магометомъ II въ Константинополь. Прибывъ, въ 1474 году, съ сыномъ и ученикомъ, въ Москву, на условіи получать ежемѣсячно *десять рублей* (по объясненію Карамзина, около двухъ фунтовъ серебра), Фіораванти немедленно приступилъ къ отстройкѣ Успенскаго собора, по окончаніи которой, въ 1479 году, занялся литьемъ орудій, для чего и была заведена въ Москвѣ особая *пушечная изба*.

Образчикомъ орудій этой эпохи служить хранящаяся до сихъ поръ въ с.-петербургскомъ арсеналѣ мѣдная, безъ цапъ и дельфиновъ, но съ фризамъ на дулѣ и тарели, пищаль 2-фунтоваго калибра, длиною въ 1 аршинъ 15 вершковъ, вѣсомъ 4 пуда 26 фунтовъ, съ надписью, означающею время отливки: 1485 годъ. Это орудіе есть древнѣйшее изъ сохранившихся.

Кромѣ Фіораванти, при Иванѣ IV было выписано еще нѣсколько литейщиковъ, и къ этому же времени, именно къ 1491 году, относится первое лѣтописное свидѣтельство о рудномъ дѣлѣ на Руси, столь необходимомъ для литейнаго: въ Печорскомъ краѣ, у рѣки Цильмы, найдена была серебряная, а потомъ и мѣдная руда нѣмцами Иваномъ да Викторомъ, съ которыми на розыски было послано и нѣсколько человекъ русскихъ.

Орудія, изготовляемыя въ мастерской Фіораванти, стрѣляли уже съ помощію *кусковъ* пороховаго состава, а не мякоти, какъ прежде, и, приноровленные къ укладкѣ на двустанинныя лафеты, были, по свидѣтельству иностранцевъ, впервые употреблены въ дѣло при осадѣ и взятіи русскими Феллина въ 1482 году; кромѣ того, они, подъ непосредственною командою самого Фіораванти, участвовали въ походѣ Ивана III на Тверь, въ 1485 году.

Въ княженіе сына и преемника Иванова, Василя (1505—1533), сдѣланы были также нѣкоторые успѣхи по артиллерійскому дѣлу, встрѣчаются уже пушечные мастера, изъ природ-

(*) Лѣтопись московской типографской библіотеки.

ныхъ русскихъ, и прежнее преобладаніе итальянскаго элемента при артилерійскомъ нарядѣ начинаетъ замѣняться нѣмецкимъ.

„Почти къ тому же времени — замѣчаетъ г. Хмыровъ — относится и первое употребленіе русскими наряда, какъ главной обороны, едва-ли не перваго у русскихъ укрѣпленнаго лагеря: весною 1522 года, по вѣстямъ о приближеніи крымцевъ, великій князь лично вывелъ войска и нарядъ изъ Москвы, дошелъ съ ними до Коломны и тутъ, на берегу Оки, расположился станомъ подъ защитою пушекъ.“

„Но—прибавляетъ г. Хмыровъ—тогдашній русскій нарядъ, сильный и грозный на стѣнахъ и въ окопахъ единственно подъ командою специалистовъ-чужеземцевъ, продолжалъ погибать ни за что, поступая въ распоряженіе или незнакомыхъ съ дѣломъ, или мѣстничавшихся воеводъ, и вотъ почему, въ томъ же 1524 году, когда французскій король Францискъ I, въ бою подъ Павіей, уже показывалъ примѣръ употребленія артилеріи, какъ самостоятельной части войска (*trois bandes d'artillerie*), русскій военачальникъ князь Иванъ Палецкій, плывшій съ нарядомъ и хлѣбомъ въ Казань Волгою, не зналъ, какъ справиться съ нарочною запрудою въ узкомъ мѣстѣ рѣки, и, осыпаемый съ нагорнаго берега стрѣлами черемисовъ, бѣжалъ, побросавъ въ воду почти весь нарядъ, ему ввѣренный, а въ 1530 году у русскихъ, осаждавшихъ Казань, „промежъ большими воеводами пришла брань и обозу города-Гуляя (*) не сомнута, и пришла черемиса и городъ-Гуляй взяли, и пицалей затинныхъ (ломовыхъ) 70..., и на той стражѣ убили князя Фед. Вас. Лопату и князя Ив. Дорогобужскаго, Пораму, да Игн. Ив. Жулебина, да Гр. Андр. Сабурова, да Фед. Тим. Замятина, „вѣроятно начальниковъ наряда“.

Во время малолѣтства царя Ивана IV литейное дѣло шло безостановочно; въ городахъ, особенно пограничныхъ, сталъ усиливаться артилерійскій нарядъ; пушкари, повидимому постоянные, и пицальники, въ качествѣ даточныхъ, и даже пороховое дѣло являются едва-ли не по всей Руси; въ 1547 году отливаются первыя 16-пудовыя *волконейки*, т. е. фальконеты, изобрѣтенныя итальянцами въ 1536 году. Въ царствованіе же

(*) *Гуляй-городомъ*, какъ извѣстно, называлось подвижное укрѣпленіе изъ большихъ саней или повозокъ, съ деревянными щитами, въ которыхъ дѣлались бойницы.

Прим. авт.

Ивана IV впервые упоминается о существованіи аркановъ, который, вѣроятно, тогда же и былъ учрежденъ.

Вообще г. Хмыровъ замѣчаетъ, что, съ учрежденіемъ, около 1551 года, *яросла* на Руси составляли собой стрѣльцовъ, надърою котораго послужили 1,000 человекъ индальниковъ, изъ старш причислявшихся къ пушкарямъ, вся русская система приняла иной, правильнѣйшій видъ, конечно должествовавшій отразиться и на распорядкѣ артилерійскаго дѣла въ тогдашней Руси. Дѣйствительно, съ этого времени уже постоянно начинаютъ причисляться къ личному составу наряда разные *пушкарки, заталачики, веротники, кузнецы, яловники, засланы сторожа* и повременамъ *яросла*, т. е. люди, которые собирались въ опредѣленномъ количествѣ отъ каждой сохи (мѣра земли). Ни одинъ походъ, начиная съ казанскаго въ 1552 году, не совершается безъ наряда, вѣрнѣе, какъ отдѣльная часть войска, особому начальнику съ состоявшими при немъ такъ называемыми *юловами у наряда*. Самая техника тогдашняго артилерійскаго дѣла состояла въ томъ, что орудія отливались, съ готовыми каналами, изъ смѣси мѣди, олова и цинку либо чугуна, а малыя иногда выковывались изъ желѣза; при отливкѣ, мастера не держались никакихъ опредѣленныхъ размѣровъ, но давали орудіямъ видъ, калибръ, длину и вѣсъ произвольно-разнообразные. Вообще всѣ орудія того времени назывались *пицалами*; пушками слыли только *можжиры* или мортиры. Пицали употреблялись трехъ родовъ: *стѣнобитныя*, калибромъ до 2½ пуд., длиною до 2 сажень; *затинныя* или *злыки*, среднихъ калибровъ, употреблявшіяся для крѣпостной обороны, и *полковыя*, иначе *соколки* или *волковейки*, короткія, вѣсомъ отъ 6 до 10 пуд. *Можжиры* или *верховыя пушки*, отъ 3-фунтоваго до 9-пудоваго калибра, назначались для навѣсной стрѣльбы. Кромѣ того употреблялись еще *сабуницы* или гаубицы, представлявшія удлиненныя можжиры, и *дробосики*, т. е. усовершенствованныя гаубицы, стрѣлявшія каменными ядрами, иногда щеблемъ. Согласно съ такимъ разнообразіемъ орудій были разнообразны и снаряды къ нимъ: такъ упоминаются ядра желѣзныя, чугунныя, каменные простыя и освинцованныя, вѣрядныя (бомбы), огненные (вѣроятно, брандскугели), кувшины съ зельемъ (гранаты) и картечь.

Самый артилерійскій нарядъ при Иванѣ IV былъ многочисленъ, такъ что, по показанію г. Хмырова, царь Грозный

въ 1552 году имѣлъ съ собой подъ Казанью однихъ тяжелыхъ орудій 150, въ 1563 году подъ Полоцкомъ 200, а въ арсеналахъ и складахъ его, по свидѣтельству самовидца Кобенцеля, всегда бывало наготовлено всякихъ орудій не менѣе 2,000. Орудія были въ то время уже на столько распространены въ Россіи, что даже у разбойника атамана Ермака, при началѣ покоренія Сибири въ 1581 году, находились орудія, хотя и разнокалиберныя, но тѣмъ не менѣе отлично достигавшія цѣли.

„Вообще можно сказать — свидѣтельствуешь г. Хмыровъ — что организація артилерійскаго дѣла въ до-петровской Руси никогда не стояла на такой удовлетворительной степени, какъ при Иванѣ IV Грозномъ, царствованіе котораго въ средѣ самаго народа успѣло образовать истинныхъ артилеристовъ. Дѣйствительно, отличныя для того времени дѣйствія 150 тяжелыхъ орудій подъ Казанью въ 1552 году слѣдуетъ объяснить, кажется намъ, не одной находчивостію — пожалуй, искусствомъ — тогдашняго начальника наряда, боярина Морозова, и помогавшаго ему дѣлака Выродкова, но также хорошимъ знаніемъ своего дѣла пушкарями, по крайней мѣрѣ московскими, которые и технику артилеріи разумѣли не хуже итальянцевъ и нѣмцевъ.“

При Иванѣ Грозномъ на столько положены были прочныя основанія русскому артилерійскому дѣлу, что оно не упало нисколько ни въ правленіе царей Феодора и Бориса Годунова, ни даже во время смутнаго времени. Во весь этотъ періодъ продолжали отливать новыя орудія и появлялись литейные мастера изъ природныхъ русскихъ, между которыми особенно замѣчательнъ Андрей Чоховъ, отлившій между прочимъ въ 1586 году *дробовикъ*, извѣстный теперь подъ названіемъ *царь-пушки*. Къ этому же времени, именно къ 1607 году, относится, кажется, первая книга, трактующая объ артилеріи на русскомъ языкѣ: это — „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки“, который началъ было собирать услужливый пощвѣчій Анисимъ Михайловъ, но былъ дособранъ уже въ царствованіе Михаила Феодоровича въ 1633 году. Въ 633 главахъ его трактуются, впрочемъ, гораздо болѣе объ артилерійскомъ дѣлѣ въ Европѣ, нежели на Руси.

Хотя въ царствованіе Михаила Феодоровича усилилась горнозаводская дѣятельность, хотя выписывались снова иноземные мастера и пушкарѣ, хотя наконецъ, по показаніямъ Котошихина, артилерійское дѣло въ царствованіе Алексѣя Михайло-

вѣща шло какъ нельзя лучше, но г. Хмыровъ сомнѣвается въ вѣрности этихъ показаній и съ своей стороны приводитъ многія данныя, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ уназдкѣ артилерійскаго дѣла при Алексѣѣ Михайловичѣ. Даже въ правленіи царя Θεодора и потомъ царей Ивана и Петра съ царевною Софією, и наконецъ однихъ царей Ивана и Петра, дѣломъ этимъ занимались на Руси все-таки болѣе, чѣмъ въ царствованіе ихъ отца.

Будучи еще отрокомъ, Петръ любилъ уже играть пушками; для него изготовлялись миниатюрныя пушки, устраивались *лотышныя олестрѣльмыя стрѣльбы*. Въ то же время увеличилось до нѣкоторой степени и литье орудій. Но особенно сильный толчокъ всему артилерійскому дѣлу на Руси, совершенно новая постановка его послѣдовала во время единодержавія Петра I.

Относительно характера и значенія нововведеній Петра по артилерійской части существуетъ два различные взгляда, изъ которыхъ одинъ—говоритъ г. Хмыровъ — „не видитъ въ дѣятельности Петра никакихъ особыхъ заслугъ по части собственно артилерійской (*); другой же, напротивъ, готовъ признать именно эти заслуги едва-ли не важнѣйшими всѣхъ, какія вообще приписываются Петру (**). Взгляды эти, вытекающіе: первый изъ очевиднаго незнакомства со многими рукописными источниками, а другой изъ понятнаго увлеченія личностію вѣщественнаго бомбардиръ-капитана, конечно, покажутся крайними, если сообразить, что энергическая дѣятельность Петра, изумляющая именно своимъ разнообразіемъ и, повидимому, неспособная ни пренебрегать, ни увлекаться чѣмъ-нибудь однимъ, равно касалась всего и на всемъ оставила почти одинаково глубокіе слѣды мысли и воли державнаго дѣятеля“.

Характеристика этой-то мысли и воли въ приложеніи къ русскому артилерійскому дѣлу, руководившемуся ими не менѣе и не болѣе всего остальнаго, составляетъ предметъ того очерка, въ которомъ г. Хмыровъ изображаетъ состояніе артилеріи на Руси въ единодержавіе Петра I (1696 — 1725 гг.). Естественнымъ дополненіемъ къ этому очерку должны служить біографіи современныхъ Петру генералъ-фельдцейхмейстеровъ.

(*) „Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ“, А. Висковатова, т. II (1842 г.), стр. 106—108.

(**) „Петръ Великій, какъ артилеристъ и капитанъ бомбардирской роты“, В. Ряча См. „Артилерійскій Журналъ“ 1857 г.

„Издавна любя—говорить г. Хмыровъ—потѣшаться всякими огнестрѣльными стрѣльбами и проводить, иногда цѣлые дни, или на ученьяхъ бомбардирской роты въ селѣ Преображенскомъ, или на работахъ ракетнаго заведенія въ Москвѣ—учрежденій, созданныхъ Петромъ еще въ 1680-хъ годахъ—Петръ, въ началу своего единодержавія, былъ уже артиллеристомъ достаточно напрактикованнымъ, даже артиллеристомъ-хозяйномъ.“ Можно сказать, что почти съ самыхъ первыхъ дней его единодержавія начинается его заботливость объ артиллерійскомъ дѣлѣ, о чемъ свидѣлствуютъ предписанія, данныя воеводамъ о храненіи пороха, орудій и прочихъ принадлежностей артилеріи.

Въ первые годы царствованія Петра все артиллерійское дѣло оставалось въ сущности въ прежнемъ видѣ: по прежнему, артилерія именовалась нарядомъ, возилась на даточныхъ подъемныхъ лошадахъ, вѣдалась пушкарскимъ приивомъ; по прежнему, она участвовала во взятіи Азова. Но въ это же время начался пріемъ иностранцевъ въ русскую артилерію, усилилась дѣятельность по изготовленію и покупкѣ орудій за границею, съ такъ называемымъ великимъ посольствомъ, въ которомъ находился самъ Петръ, подъ скромнымъ званіемъ *десятилца Петра Михайлова*; тогда же послано за границу 30 любимыхъ его бомбардировъ, изъ числа которыхъ пятеро были оставлены въ Кенігсбергѣ, для классическаго обученія бомбардирству. За это же время, какъ видно, значительно уже усовершенствовалась артилерія ново-сформированныхъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Гордонова. Во время стрѣльцкаго бунта, подъ Воскресенскимъ монастыремъ (Новымъ Іерусалимомъ), четырехъ залповъ этой артилеріи, состоявшей всего изъ 25 орудій небольшого калибра, но управляемой искуснымъ полковникомъ де-Граге, было достаточно для того, чтобы, мнѣе нежели въ часъ, заставить стрѣльцовъ, прикрытыхъ своею десяти-орудійною батареею, побросать знамена и сдаться.

Дѣятельность Петра I по артиллерійской части особенно усиливается съ того времени, когда онъ задумалъ необходимость разрыва съ Швеціею. Желая какъ бы специализировать артиллерійское дѣло, онъ началъ съ того, что, указомъ 18-го февраля 1700 года, отдѣлялъ иноземскій и рейтарскій приказы отъ пушкарскаго, управление которымъ ровно три мѣсяца не вѣрялъ никому; въ теченіе этого времени всѣ распоряженія по артиллерійской части въ государствѣ лежали на самомъ госу-

даръ. Наконецъ, 19-го мая 1700 года, пушкарскій приказъ переименованъ въ артилерійскій и учреждена должность *интерам-фельдцейхмейстера*, въ которую назначенъ былъ царевичъ иеретическій Александръ Арчиловичъ. Волѣдъ затѣмъ, въ видахъ еще большаго специализированія артилерійскаго дѣла, отдѣлена была отъ него рудная отрасль, и затѣмъ все касающееся прискалія и разработки рудъ было сосредоточено въ особомъ приватѣ рудныхъ дѣлъ.

Но среди этихъ преобразованій матеріальная и строевая части артилеріи оставались въ прежнемъ положеніи, и нарвское пораженіе было отчасти результатомъ такого положенія. Двухдѣльная канонада противъ Нарвы не повела ни къ чему, потому что у шведовъ не было подбито ни одной пушки, между тѣмъ какъ у русскихъ, послѣ каждаго 3 — 4 выстрѣловъ изъ одного и того же орудія, ломались лафеты, колеса, оси, и порохъ оказывался никуда негоднымъ. Какъ ни парадоксальнымъ покажется это, но, быть можетъ, къ счастью Россіи и Петра, почти вся старинная артилерія, въ числѣ: по однимъ показаніямъ до 145, по другимъ даже до 177 орудій, была взята шведами. Благодаря нарвскому пораженію, начаты были радикальныя перемѣны въ русскомъ военномъ дѣлѣ, и прежде всего онѣ отразились именно на русской артилеріи, которую надо было почти создавать съизнова, почему явилась возможность утвердить ее на новыхъ основаніяхъ. Это обстоятельство и дѣлаетъ 1701 годъ однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ въ исторіи русской артилеріи.

„Дѣло въ томъ—говорить г. Хмыровъ—что Петръ, занятый мыслию сообщить нѣкоторой части русскаго наряда, по возможности, *скорую стрельбу и скорое возведеніе пушекъ*, думалъ достигнуть обѣихъ цѣлей приведеніемъ орудій извѣстныхъ калибровъ въ правильную систему вѣса. и, рѣшивъ отливать 12-фунтовыя пушки въ 109, 6-фунтовыя въ 56, а короткія полупудовыя гаубицы, назначенныя исключительно для дѣйствія разрывными снарядами, въ 26-пудовыя вѣсомъ, тѣмъ самымъ полагая начало небывалой на Руси полевой артилеріи, при чемъ, назначеніемъ въ каждый драгунскій полкъ двухъ полупудовыхъ мортиръ, впервые создалъ на Руси и конную артилерію. Для того же, чтобы скорѣе вознаградить потерю артилеріи подъ Нарвою и разомъ добыть металла на отливку орудій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ образцовъ, Петръ, вслѣдъ

за прибытіемъ своимъ изъ Новагорода въ Москву, обнаруговала любопытный указъ, которымъ повелѣвалось: „со всего государства, знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей, *собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры*“. Самую отливку орудій и заготовленіе всей матеріальной части Петръ возложилъ на думнаго дьяка Андр. Андр. Вивиуса, какъ кажется, тогда же наименованнаго „*надзирателемъ артилеріи*“. Стараніями Вивиуса, въ теченіе одного 1701 года, было изготовлено 243 пушки (24, 18, 12, 6 и 3-фунтоваго калибра), 12 мортиръ (9 и 1-пудовыя) и 13 гаубиць (1-пудовая и 20-фунтовая). Дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ Вивиуса былъ артилеріи майоръ Юганъ Гошке, по совѣту котораго были сдѣланы многія полезныя усовершенствованія въ матеріальной части артилеріи. Кромѣ Вивиуса и Гошке, устройствомъ этой части, въ теченіе 1701 года, усердно занимались бомбардиръ-поручикъ, впоследствии знаменитый князь Ал. Дан. Меньшиковъ, и артилеріи генераль-майоръ, впоследствии генераль-фельдцейхмейстеръ, Як. Вил. Брюсъ. Около того же времени приступлено было къ нспѣшному изготовленію на Олонецкихъ заводахъ чугунныхъ орудій.

Труды Петра и его сподвижниковъ по артилерійской части начали вознаграждаться немедленно. Русская артилерія стала доказывать свое обновленіе удачными дѣйствіями при Эрестферѣ, гдѣ она главнымъ образомъ способствовала фельдмаршалу Шереметеву, почти уже разбитому шведами, оправиться и вырвать у нихъ первую надъ ними же побѣду; вслѣдъ затѣмъ русская артилерія дѣятельно способствовала взятію шведской крѣпости Нотебурга, тогда же переименованной въ Шлиссельбургъ.

Дѣло о превращеніи Шлиссельбурга въ русскую крѣпость и о снабженіи его всѣмъ необходимымъ можетъ служить, между прочимъ, примѣромъ, съ какою энергіей Петръ дѣйствовалъ и какъ нещадно каралъ онъ виновныхъ. Снабженіе Шлиссельбурга всѣмъ необходимымъ для открытія кампаніи 1703 года онъ поручилъ Вивиусу; когда же Петръ—сообщаетъ г. Хмыровъ—лично прибывъ изъ Воронежа въ Шлиссельбургъ, нашелъ свои приказанія Вивиусу невыполненными въ точности, то, 20-го марта, съ неудовольствіемъ писалъ къ князю Фед. Ар. Ромодановскому: „*Сиг. Извѣствую, что здѣсь великая недозвока артилеріи есть, чему посылаемъ роспись, изъ кото-*

рыхъ самыхъ нужныхъ не довезено 3,033 бомбовъ 3-пудовыхъ, трубокъ 7,978, дроби и фитилю ни фунта... а наче всего мастеръ, который зашрублеваеъ запалы у пушекъ, по сей часъ не присланъ, отъ чего прошлогодскія пушки ни одна въ походъ не годна будетъ, отъ чего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему будетъ, безъ чего и починать нельзя; о чемъ я самъ многожды говорилъ Виніусу, который отпотчивалъ меня *московскимъ потчасомъ*. О чемъ изволь его допросить: для чего такъ дѣлается *такое главное дѣло* съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже“. Послѣ допроса Ромедановскимъ, провинившійся надзиратель артилеріи былъ еще, по приказанію Петра, допрашиваемъ Меншиковымъ, старался выпутаться, сваливалъ грѣхъ на Гошке, на мастеровъ, на обстоятельства, но оказался виноватымъ, отрѣшенъ отъ управленія приказами сибирскимъ и артилерійскимъ, присужденъ къ уплатѣ 13,000 рублей начета, наконецъ, по свидѣтельству царскаго резидента Плейера, нещадно битъ кнутомъ.

Въ 1704 году, исправленіе должности генералъ-фельдцейхмейстера, за продолжительнымъ отсутствіемъ царевича имеретійскаго, взятаго въ плѣнъ подъ Нарвою и все еще находившагося въ плѣну, было возложено на генералъ-майора артилеріи Як. Виц. Брюса. Съ этого года г. Хмыровъ значительно измѣняетъ характеръ своего историческаго очерка, помѣщая въ немъ лишь обзоръ тѣхъ перемѣнъ въ ходѣ русскаго артилерійскаго дѣла, которыя были задуманы самимъ Петромъ, относя затѣмъ большую часть подробностей о петровской артилеріи къ біографіи генералъ-фельдцейхмейстеровъ.

Нельзя не замѣтить странности этого раздѣленія данныхъ, относящихся къ одной и той же эпохѣ. Намъ кажется, что оно должно было только усложнить трудъ самого автора и повредить цѣлости всей картины изображенія артилеріи и артилеристовъ петровской эпохи. Мы не имѣемъ еще въ рукахъ біографіи Брюса, поэтому и не можемъ судить, какъ выполнена авторомъ предпринятая имъ задача раздѣленія того, что сдѣлано Петромъ, отъ исполненнаго Брюсомъ; но намъ кажется, что въ біографіи послѣдняго должны будутъ встрѣчаться повторенія сказаннаго уже при описаніи дѣятельности Петра. Казалось, что трудъ г. Хмырова значительно выигралъ бы, если бы послѣдняя статья объ артилеріи и артилеристахъ въ единомъ державіе Петра I, помѣщенная въ № 11 „Артилерійскаго

Журнала“, была прямо слита съ біографіей Брюса. Въдъ трудно предположить, чтобы въ такихъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, штатъ артилеріи или воинскій уставъ, не принималъ участія генералъ-фельдцейхмейстеръ, въ особенности когда эту должность исполнялъ столь замѣчательный человекъ, какъ Брюсъ. Съ другой стороны, и въ собственной дѣятельности Брюса не можетъ быть ничего совершеннаго помимо Петра, безъ его на то разрѣшенія и совѣта.

Эти-то соображенія и побуждаютъ насъ выждать появленія біографіи Брюса, чтобы тогда ознакомить читателей нашихъ съ состояніемъ русской артилеріи при Петрѣ по тѣмъ даннымъ, которыя собраны г. Хмыровымъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о помѣщенной въ № 1 „Артилерійскаго Журнала“ біографіи перваго русскаго генералъ-фельдцейхмейстера, царевича Имеретійскаго.

Біографія перваго русскаго генералъ-фельдцейхмейстера не представляетъ ничего интереснаго собственно по исторіи артилеріи: это не болѣе, какъ описаніе несчастной жизни царевича Имеретійскаго, который большую часть свое фельдцейхмейстерства провелъ въ плѣну у шведовъ. Собственно артилерійю онъ управлялъ только со времени своего назначенія, 19-го мая 1700 года, до плѣненія подъ Нарвою, 20-го ноября того же года. Въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ онъ не заявилъ себя ничѣмъ самостоятельнымъ, но, по выраженію г. Хмырова, только носилъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера, имѣя надъ собою мысль и волю всеруководившаго Петра. Когда же наконецъ царевичъ Александръ Арчиловичъ былъ вымѣненъ изъ плѣна, то и тутъ несчастіе преслѣдовало его: возвращаясь въ Россію, онъ умеръ на пути, гдѣ-то въ Финляндіи, и даже кости его—прибавляетъ г. Хмыровъ—„злобно невыданныя шведами, навсегда остались въ чужой землѣ, далекой отъ родной царевичу Грузіи“.

Изъ другихъ статей разсматриваемыхъ нами номеровъ „Артилерійскаго Журнала“ вниманіе читателей-неспеціалистовъ можетъ быть остановлено на слѣдующихъ: въ № 9: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи ракетнаго оружія во Франціи и въ Россіи“, генералъ-лейтенанта Константинова; въ № 12: „О полевой артилеріи въ настоящее время и о нашей въ особенности“, полковника де-Шарьера, и „Преобразованіе уголовнаго судопроизводства“, Д. В. Шатилова. Въ послѣдней статьѣ изложены только тѣ теоретическія условія, кото-

рымъ долженъ удовлетворять хорошо организованный уголовный процессъ, а затѣмъ въ слѣдующей статьѣ г. Шатиловъ общаетъ приступить къ разбору нашихъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года и основныхъ положеній для преобразования нашей военно-судной части. Въ № 1 за нынѣшній годъ обращаютъ на себя вниманіе лекціи капитана Чебышева „О снабженіи артиллеріи металами и металлическими надѣлками съ казенныхъ горныхъ заводовъ“. Въ лекціяхъ изслѣдуется вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ горные наши заводы удовлетворяютъ потребностямъ нашей артиллеріи. Въ этихъ видахъ, г. Чебышевъ излагаетъ, въ первой напечатанной уже лекціи, тотъ порядокъ, которымъ получаютъ нынѣ надѣлки горныхъ заводовъ въ артиллерію, а также и тѣ отношенія, какия существуютъ по этому поводу между обими вѣдомствами; въ слѣдующей лекціи будетъ изслѣдовано, на сколько все это обезпечиваетъ артиллерію въ исправномъ полученіи всего необходимаго для нея, исполнѣ соответствующемъ современнымъ требованіямъ, какия препятствія встрѣчаетъ нынѣ подобное правильное снабженіе, какими средствами возможно устраненіе ихъ на будущее время.

Для болѣе цѣлостнаго ознакомленія читателей „Военнаго Сборника“ какъ съ этимъ предметомъ, такъ и со статьєю г. Шатилова, мы полагаемъ отложить обзоръ ихъ до слѣдующаго обзора „Артиллерійскаго Журнала“, когда появится окончаніе статей г. Чебышева и г. Шатилова. Теперь же остановимся на статьяхъ генерала Константинова и полковника де-Шарьера.

Замѣтка генерала Константинова написана по поводу недавно изданной во Франціи ручной полевой памятной книги для артиллерійскихъ офицеровъ. На основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, излагается очеркъ состоянія ракетнаго оружія во Франціи, и затѣмъ приводятся свѣдѣнія о положеніи этого оружія у насъ. Во Франціи принята въ настоящее время боевая полевая ракета лишь одного калибра—*6-сантиметровая*, такъ называемая по внутреннему діаметру ея гильзы. Ракета эта вооружается или стрѣлчатой гранатою, или жестяною съ картечью, или, наконецъ, зажигательнымъ колпачкомъ. Для предѣла тяжести ракеты принято около 20 фунт.; такой же вѣсъ имѣетъ и каждая изъ двухъ частей станка, на которыя послѣдній разнимается. Такимъ образомъ, какъ станокъ, такъ и ракеты весьма удобны для переноски. Самая пере-

возна ракетъ производится въ особо-устроенныхъ ящикахъ, которые помѣщаются на вышкахъ и въ которыхъ въ каждомъ положено имѣть по шести ракетъ. На тѣхъ вышкахъ, гдѣ перевозятся станки, въ ящикахъ помѣщается только по пяти ракетъ.

Полевая ракетная батарея состоитъ во Франціи изъ трехъ взводовъ. Въ каждомъ изъ нихъ по четыре станка. Къ нимъ назначается 1,156 ракетъ, изъ которыхъ 580 съ гранатами, 440 съ картечью и 136 зажигательныхъ. Все это возится на 99 вычужныхъ лошадакъ, кромѣ запасныхъ вещей. Для дѣйствія при каждомъ станкѣ назначается четыре нумера прислуги: № 1 начальникъ станка, исправляющій обязанности наводящаго, № 2 при станкѣ и два нумера для подноски ракетъ къ станку.

Не вдаваясь въ подробности устройства ракетной части во Франціи, приведемъ мнѣніе г. Константинова, который въ этомъ вопросѣ можетъ быть признанъ наиболее компетентнымъ судьей: онъ считаетъ „французскую систему полевыхъ ракетъ вполне рациональною и основанною на улучшеніяхъ въ ракетномъ дѣлопроизводствѣ, которыя соответствуютъ послѣднимъ усовершенствованіямъ въ полевой артилеріи“.

Указывая на то, что нынѣ, въ Мецѣ и въ Тулонѣ, имѣется 26 пресовъ для набивки ракетъ и заведены постоянныя ракетныя батареи, которыя, будучи снабжены всѣмъ необходимымъ, обучены и дѣйствию ракетами, какъ въ техническомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ, генералъ Константиновъ заявляетъ, что „и у насъ, для окончательной установки ракетнаго оружія и для сохраненія на мѣсту службы того незначительно запаса свѣдѣній, который у насъ скопился по ракетной части, необходимо бы устроить въ возможной скорости Николаевское ракетное заведеніе и учредить при немъ учебную образцовую ракетную бригаду, въ которой бы сосредоточить всевозможные роды ракетной артилеріи, а именно полевую пѣшую и конную, осадную и крѣпостную, и отъ которой отряжались бы части для участія въ практическихъ занятіяхъ съ прочими родами войскъ, а также и для составленія кадровъ для организованія ракетнаго оружія въ мѣстахъ, въ которыхъ требуется егѣ боевое употребленіе“.

Нынѣшнее положеніе у насъ ракетнаго оружія генералъ Константиновъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Вслѣдствіе состоявшагѣя вновь высочайшаго повелѣнія, 24-го ноября 1862 года, объ устройствѣ новаго ракетнаго за-

веденія въ Николаевѣ, въ 1864 году, упразднено с.-петербургское ракетное заведеніе, и вслѣдъ затѣмъ, осенью того же года, переведены въ Николаевѣ команда и личный составъ того же заведенія. Предъ упраздненіемъ заведенія заготовлено было 1,000 двухдвойныхъ ракетъ въ запасъ на случай военныхъ дѣйствій, изъ коихъ остаются лишь неиспользованными еще въ с.-петербургской лабораторіи всего 200 ракетъ.

„По распоряженію главнаго инженернаго управленія, 2-го и 6-го іюня сего года, должны быть произведены торги на постройку строеній Николаевскаго ракетнаго заведенія при комендантскомъ управленіи въ городѣ Николаевѣ, всего на сумму 184,071 р. 35 к.; постройки эти должны быть окончены къ 1-му сентября 1867 года. Съ устройствомъ строеній Николаевскаго ракетнаго заведенія, предстоитъ возможность установить въ нихъ имѣющіяся машины для приготовленія боевыхъ ракетъ, состоящія частью изъ машинъ упраздненнаго с.-петербургскаго ракетнаго заведенія, перевезенныхъ изъ С.-Петербурга въ Николаевъ въ 1864 году, для ручнаго приготовленія боевыхъ ракетъ, и частью изъ машинъ, вновь построенныхъ по совершенно новой системѣ приготовленія боевыхъ ракетъ, созданной въ Россіи и удостоенной уже за границею подражаніемъ, доставленныхъ въ Николаевъ въ 1861 году. До приведенія въ дѣйствіе Николаевскаго ракетнаго заведенія, не предстоитъ возможности приготовить ни одной боевой ракеты. Такимъ образомъ, приготовленіе боевыхъ ракетъ возстановлено у насъ будетъ самое скорое въ 1868 году.“

Полковникъ де-Шарьеръ въ своей статьѣ приступаетъ къ разрѣшенію весьма важнаго вопроса современной организаціи полевой артиллеріи, вопроса, который нигдѣ еще не получилъ окончательнаго разрѣшенія, именно: какія орудія должны составлять собственно полевую артиллерію и можно ли обойтись въ ней однимъ калибромъ, одного рода орудіями?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ доказательство, что хотя и желательно было бы имѣть въ полевой артиллеріи одинъ только калибръ, но это положительно невозможно, какъ по разнообразію военныхъ дѣйствій, такъ и по разнообразію орудій въ другихъ европейскихъ арміяхъ, противъ которыхъ можетъ случиться нашей артиллеріи дѣйствовать. Переходя къ тому, какой именно составъ должна имѣть наша полевая артиллерія, полковникъ де-Шарьеръ предлагаетъ двѣ системы:

въ одной изъ нихъ проектированы два орудія: 4-фунтовое заряжающееся съ дула, должествующее составить по своей простотѣ основную и наибольшую часть вооруженія, и 6-фунтовое заряжающееся съ казенной части, какъ болѣе сложное, должествующее служить какъ бы батарейнымъ, въ значительномъ меньшемъ противъ перваго числа.

Другая предлагаемая имъ система есть измѣненіе первой, примененное къ существующему у насъ предположенію о введеніи 4-фунтовой пушки, заряжающейся съ дула. Въ этой системѣ г. де-Шаррьеръ предлагаетъ главную часть полевой артиллеріи составить изъ 4-фунтовыхъ орудій, заряжающихся съ дула и съ казны, съ тѣмъ, чтобы первыя все-таки преобладали; затѣмъ въ нихъ прибавляется еще, въ небольшомъ числѣ, третье орудіе — 6-фунтоваго калибра, заряжающееся съ дула, которое бы дѣйствовало снарядомъ значительно большаго вѣса, чѣмъ два предъидущія орудія.

При важности вопроса, затронутаго полковникомъ де-Шаррьеромъ, статья его не замедлитъ вызвать возраженія со стороны артиллеристовъ. Даже сама редакція „Артилерійскаго Журнала“, помѣщая статью, сдѣлала къ ней замѣчанія, изъ которыхъ видно, что она вовсе не раздѣляетъ мнѣнія автора о необходимости преобладанія въ полевой артиллеріи орудій, заряжающихся съ дула, и что считаетъ испытываемыя у насъ орудія, заряжающіяся съ казенной части, наиболѣе удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ полевого орудія.

Таковъ же взглядъ и значительной части, можетъ быть, даже большинства нашихъ артиллеристовъ, а главное—и нашего артилерійскаго начальства. Но, тѣмъ не менѣе, противъ нашей 4-фунтовой стальной пушки, заряжающейся съ казенной части, являются еще многія возраженія, которыя, впрочемъ, не выдерживаютъ вполне строгой критики. Кстати, заведя уже рѣчь объ этомъ чрезвычайно важномъ для нашей артиллеріи предметѣ, нельзя не упомянуть о небольшой, но весьма дѣльной и обстоятельной статьѣ, помѣщенной въ № 44 „Русскаго Инвалида“ за нынѣшній годъ (*), въ защиту нашей 4-фунтовой стальной пушки, заряжающейся съ казенной части. Въ статьѣ этой чрезвычайно сжато, однако весьма отчетливо изложены всѣ преимущества, побуждающія наше артилерійское начальство отдавать предпочтеніе названному орудію передъ всѣми

(*) Несколько словъ о стальныхъ наръзныхъ орудіяхъ въ полевой артиллеріи.
Т. XLVIII. Стл. III.

другими системами. Тамъ какъ статья, по собственному выраженію ее автора, „имѣетъ цѣлю представить въ истинномъ свѣтѣ наши новыя полевныя орудія и разсѣять, если удастся, предубѣжденія и нападки, несоблѣнимыя, впрочемъ, во всякомъ новомъ дѣлѣ“, то мы полагаемъ, что не лишне будетъ здѣсь же подробнѣе ознакомить читателей нашихъ съ содержаниемъ этой статьи.

Полевую наръзную артилерію иностранныхъ государствъ авторъ подраздѣляетъ на двѣ категоріи:

1) Мѣдныя наръзные орудія, заряжающіеся съ дула, со снарядами, имѣющими выстрѣлы, которые входятъ въ наръзы. Такия орудія введены во Франціи и въ Австріи.

2) Стальные или желѣзныя наръзные орудія, свяди заряжающіеся, и снаряды со свинцовою оболочкою, врывающеюся въ наръзы. Этими орудіями вооружены Пруссія, Англія, Бельгія и государства Германскаго Союза, въ томъ числѣ Баварія и Саксонія.

Всѣмъ извѣстно, что по мѣткости нѣтъ орудія, которое могло бы сравниться съ орудіями, заряжающимися свяди; также извѣстно, что орудія первой категоріи, т. е. мѣдныя наръзные, отъ стрѣльбы портятся и теряютъ первоначальную правильность своихъ выстрѣловъ, между тѣмъ какъ прусскія стальные орудія выдерживаютъ до 6,000 выстрѣловъ, сохраняя превосходную мѣткость.

Несмотря на столь явныя преимущества стальныхъ пушекъ, заряжающихся свяди, у насъ, до 1863 года, не рѣшались вводить ихъ, а приняли французскую систему мѣдныхъ наръзныхъ пушекъ, заряжающихся съ дула. Вскорѣ выказалась непрочность этихъ орудій и созана была необходимость принять сталь за единственный металлъ для наръзныхъ орудій; но при этомъ, вѣроятно, наше артилерійское ведомство остановилось бы на замѣнѣ мѣдныхъ орудій, заряжающихся съ дула, таковыми же стальными, если бы счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ не устранялись всѣ причины, заставлявшія прежде не вводить заряжанія съ казенной части: прежде орудія, заряжающіяся свяди, считались сложными, мало-практическими и неиспытанными въ военное время. Съ появленіемъ новыхъ запирающихъ механизмовъ Крейнера и Круппа, замѣнившихъ прежній механизмъ Варендорфа, обращеніе съ орудіями, заряжающимися свяди, значительно упростилось и сдѣлалось удобнѣе,

да и самое заряжаніе усложилось. Въ то же время прусская система орудій подверглась совершенствованію во время датской войны, и этот боевой опыт доказалъ, что орудія, заряжающіеся съ казенной части, съ большою пользою могутъ быть употреблены въ дѣлѣ съ неприятелемъ.

У насъ начались опыты надъ прусскою системою еще до осады Дюнея, гдѣ эта система выказала въ полномъ блескѣ всѣ свои достоинства. Постепенно совершенствуя эту систему, особенно улучшивъ ее введеніемъ особаго стального кольца Бродвеля, вмѣсто прусскаго жѣзвитаго, что устранило совершенно прорывъ пороховыхъ газовъ и сдѣлало свободнымъ выдвиганіе механизма, у насъ достигли превосходства 4-фунтовой пушки, заряжающейся сверху, надъ прусскими орудіями. Превосходство это признаютъ сами прусскіе артиллеристы, имѣвшіе случай испытать одно орудіе съ послѣдними нашими усовершенствованіями на экземплярѣ, обмѣненномъ нашимъ правительствомъ на прусское орудіе. На превосходство въ дѣйствіи нашей 4-фунтовой пушки надъ прусскимъ орудіемъ этого калибра есть указанія въ изданномъ въ Берлинѣ сочиненіи Рердамца.

Относительно подвижности новая заряжающаяся сверху стальная 4-фунтовая пушка, не принятомъ для нея желѣзномъ лафетѣ штабсъ-капитана Фишера, имѣетъ подвижность еще нѣсколько большую, чѣмъ прежнія наши легкія орудія съ гладкими каналами, которыя, какъ извѣстно по опыту прежнихъ войнъ, имѣли подвижность вполне удовлетворительную во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, нельзя не сомнѣваться, что, послѣ боеваго испытанія, это орудіе будетъ предметомъ гордости нашей кавалеріи артиллеріи. Но, стѣмъ не менѣе, оно имѣетъ противниковъ, которые возводятъ противъ него то главное обвиненіе, что орудіе слишкомъ сложно, непрактично и требуетъ особаго ухода, весьма неудобнаго въ военное время.

„Достаточно взглянуть на эти орудія—говоритъ авторъ разсматриваемой статьи—на легкій и удобный способъ ихъ заряжанія, на скорую стрѣльбу, чтобы разсѣять всякую мысль о сложности и непрактичности ихъ устройства и употребленія. Но, чтобы опровергнуть всякое предубѣжденіе противъ орудій новой системы, можно привести слѣдующій опытъ. По приказанію товарища генералъ-фельдцейхмейстера, одна стальная

4-фунтовая пушка была намеренно приведена въ самое безобразное состояніе. После стрѣльбы, орудіе, неочищенное, съ каналомъ и поперечнымъ отверстіемъ, облитымъ водою и покрытымъ мелкимъ пескомъ, оставлено было въ продолженіе двухъ недѣль на открытомъ воздухѣ безъ покрывшекъ и чехловъ. Отъ этого весь механизмъ, тагъ и отверстіе для него и каналъ орудія покрылись сильною ржавчиною. Пушка приведена въ такой видъ, въ какой не можетъ придти ни при какихъ военныхъ обстоятельствахъ. За орудіе, до такой степени зашугенное, багарейный командиръ подлежалъ бы преданію суду. Но и изъ подобнаго орудія стрѣльба производилась какъ изъ орудія совершенно новаго; замокъ дѣйствовалъ съ такимъ же удобствомъ; прорыва пороховыхъ газовъ не было, и мѣткость стрѣльбы не измѣнилась (*).

„Для приведенія орудія въ должный видъ намеренно были назначены всего двое людей, и изъ нихъ одинъ вовсе незнакомый съ дѣломъ. Имъ достаточно было 52 минутъ, чтобы очистить каналъ, замокъ, поперечное отверстіе и смазать надлежащимъ образомъ всѣ части орудія. Описанный опытъ, кажется, долженъ опровергнуть окончательно неосновательные толки о новыхъ орудіяхъ.“

Дѣйствительно, опытъ этотъ лучше всего долженъ свидѣтельствовать въ пользу вводимыхъ у насъ стальныхъ заряжающихся снарядовъ орудій. Затѣмъ если они имѣютъ мѣткость, превосходящую орудія, заряжающіяся съ дула, если они имѣютъ подвижность большую даже прежнихъ нашихъ легкихъ орудій, если наконецъ они оказываются на мирной практикѣ лучше прусскихъ орудій, испытанныхъ уже въ бою, то, казалось бы, чего еще и желать отъ нихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и на практикѣ боевой они окажутся вполне, какъ нельзя болѣе удовлетворяющими своему назначенію.

Но здѣсь представляется еще и то обстоятельство, что и до сихъ поръ есть еще приверженцы стараго, которые, не ограничиваясь нападками на стальные орудія, доходятъ даже

(*) Во время стрѣльбы, орудіе пробанивалось сухимъ (несмоченнымъ) банникомъ; на другомъ опытѣ, изъ одной 4-фунтовой стальной пушки, снарядъ заряжающейся, сдѣлано 100 выстрѣловъ, *вовсе не пробанивая канала*: дѣйствіе изъ орудія во все время этой неправильной стрѣльбы было совершенно удобно. Едва-ли орудіе какой-либо другой системы могло бы выдержать подобное испытаніе.

Прим. авт.

до рѣшимости отрицать вообще пользу наръзанной артилеріи и остаются илиища достоинства прежнихъ орудій съ гладкимъ каналомъ, именно ихъ съмънную картечь и настильно-рикошетный выстрѣлъ.

По обширнымъ, произведеннымъ у насъ опытамъ оказывается, что дѣйствіе цинковой картечи изъ нашихъ наръзанныхъ пушекъ не уступаетъ дѣйствію картечи изъ гладкостѣнныхъ орудій; кромѣ того, наръзанныя орудія имѣютъ картечную гранату съ ударною трубкою, заряданіе которою лишь немногимъ сложнѣе заряданія обыкновенною картечью, между тѣмъ какъ дѣйствіе ея гораздо сильнѣе дѣйствія обыкновенной картечи изъ батарейныхъ орудій съ гладкимъ каналомъ. Что же касается до настильно-рикошетныхъ выстрѣловъ, то они имѣли значеніе лишь тѣмъ, что увеличивали поражаемость на такихъ разстояніяхъ, до которыхъ, съ вѣроятностію на успѣхъ, не достигали прежніе прицѣльные выстрѣлы; притомъ же, рикшеты бывали возможны и полезны только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, на мѣстности совершенно ровной и открытой. Наръзанныя же пушки, при своей дальности и мѣткости, не имѣютъ надобности прибѣгать къ настильно-рикошетнымъ выстрѣламъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ дѣйствіе артилеріи подъ Бородиномъ и подъ Сольферино. Въ первомъ изъ этихъ сраженій, два нашихъ полка потерпѣли отъ неприятельскихъ рикшетовъ, а подъ Сольферино вторая и третья линіи австрійцевъ были обиты дѣйствіемъ французскихъ наръзанныхъ пушекъ, вовсе безъ участія рикшетныхъ выстрѣловъ.

Принимая все это во вниманіе, а также въ виду повсемѣстнаго введенія наръзанныхъ орудій въ артилеріяхъ первостепенныхъ государствъ, вполне можно согласиться съ мнѣніемъ автора разсматриваемой нами статьи, что трудно даже себѣ представить, чтобы дѣйствительно могло существовать серьезное недовѣріе къ наръзаннымъ орудіямъ, заряжающимся свяди. По справедливому выраженію автора, „неразумное предубѣжденіе противъ нашихъ стальныхъ пушекъ можно объяснить или совершеннымъ незнаніемъ дѣла, или, что еще прискорбнѣе, предвзятымъ намѣреніемъ порицать безусловно все, что у насъ дѣлается въ артилеріи“.

Въ заключеніе, авторъ находитъ даже, что артилерійское начальство дѣйствуетъ слишкомъ нерѣшительно въ дѣлѣ введенія наръзанныхъ орудій въ нашу полевую артилерію и что

предположеніе о сохраненіи, наприѣръ, въ нашей конной артиллеріи гладкостѣнныхъ орудій, въ видѣ запасныхъ резервныхъ нашихъ констраскиныхъ старослуживъ, было бы явнымъ противорѣчіемъ прежнимъ распоряженіямъ артиллерійскаго начальства, которое такъ снѣло и успѣшно ведетъ нашу артиллорію по пути полезныхъ преобразованій.

Русскій Архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1863—1865 годовъ.

(Статья первая.)

Съ 1864 года открыта въ Москвѣ, для общаго бесплатнаго пользованія, Чертовская библіотека, безспорно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ книгохраненій въ Россіи. Особенности этой библіотеки состоятъ въ томъ, что въ ней сосредоточены богатое собраніе книгъ, въ томъ числѣ и весьма рѣдкихъ, измѣющихъ предметомъ познаніе и изученіе нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. Съ этою именно цѣлію и была собираема библіотека въ широкихъ размѣрахъ: въ составъ ея вошли не одни историческія и описательныя сочиненія, но и книги по части наукъ естественныхъ, медицинскія, по искусствамъ, и притомъ не на одномъ русскомъ, а на всѣхъ наиболее употребительныхъ языкахъ. Само собою разумѣется, что не была забыта и часть военная: третье отдѣленіе (свѣдѣнія четвертая) библіотеки посвящено военному дѣлу, и здѣсь въ услугамъ любознательныхъ военныхъ людей накладываются: 1) сочиненія и статьи на военной части разнаго содержанія; 2) заведеніе военное и морское; 3) военные списки; 4) военные штаты; 5) комисаріатъ и провіантъ; 6) артиллерія и инженерное дѣло; 7) военная исторія и 8) морская часть.

Основатель библіотеки, Александръ Даниѣловичъ Чертовъ, получившій, благодаря выгодному общественному положенію своихъ родителей, отличное, по тогдашнему времени (въ исходы прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія) образованіе, поступилъ въ 1809 году въ л.-гв. Конный полкъ, гдѣ и оставался до 1822 года. Въ кампаніи 1813—1814 годовъ онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, подъ Вріеномъ, Фершампенонгомъ и

Парижъ, и среди тревожъ полевой и боевой жизни продолжали свои уповенныя занятія. Известно, что около эпохи отечественной войны и послѣ борьбы нашей съ Наполеономъ, оживившейся въ Парижѣ, образованіе и любознательность между многими солдатами нашей армии стояли на замѣчательной ступени развитія.

Это отрядное явленіе являемо, главнымъ образомъ, съ двухъ причинъ. Молодые образованные люди хранили фанатичъ около посвящали себя тогда военной службѣ не только въ помянутъ гвардіи, но и въ полкахъ армейскихъ, преимущественно кавалерійскихъ; съ другой стороны, участіе въ геройской оборонѣ отечества и заграничныя походы открывали широкій путь къ самовоспитанію. Чертковъ, какъ образованный представитель тогдашней военной кавалеріи, еще съ 1813 года сталъ вести свои записки, а съ 1816 года, занимая должностъ назначенъ въ Кюньо-дворцовой полку, онъ началъ писать постоянныя и подробныя описанія всего имъ читаннаго и въ то же время дѣлалъ большія выписки изъ прочитаннаго, обращая главное вниманіе на отечественную исторію и древности. Вѣрояно, страсть къ умственнымъ занятіямъ побудила его оставить военную службу; но лишь только началась турецкая война 1828 года, онъ поступилъ въ гусарскій эрцгерцога Фердинанда полкъ, сражался подъ Синопурей и только по заключеніи мира вышелъ въ отставку. Чертковъ не переставалъ заботъ въ Москвѣ, чтобы имѣть возможность себя ученымъ трудамъ, изъ которыхъ, до четырнадцати названій, были напечатаны в обращеніи на себя вниманіе знатное. Одно изъ его сочиненій: „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ“ (Москва, 1834 г.) было удостоено димитровской преміи, съ которой авторъ отказался, предоставивъ деньги на напечатаніе „Остромирава Евангелія“. Два сочиненія посвящены изслѣдованію „О числѣ русскаго войска, завоеваннаго Болгарію“ (Одесса, 1842 г.), и „Описаніе войны Святослава противъ болгаръ и грековъ“ (Москва, 1843 г.).

Во вниманіе къ ученымъ трудамъ А. Д. Чертова, общество исторіи и древностей при московскомъ университетѣ избрало его въ свои председатели. Кроме того, онъ служилъ губернскаго предводителемъ московскаго дворянства.

Сынъ основателя драгоцѣннаго книгохраненія, Григорій Александровичъ, исполняя заветное желаніе своего отца

(+ 1858), построилъ для библіотеки особое зданіе и открылъ сюда доступъ всемъ труженникамъ и любителямъ науки.

При этой-то библіотекѣ издается съ 1863 года, г. Барленевымъ, историко-литературный сборникъ, подъ названіемъ „Русскаго Архива“. Сборникъ выходитъ самостоятельными вышками и посвященъ преимущественно изученію Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Три года существованія этого періодическаго изданія достаточно выяснили цѣль его и доказали необходимость именно въ такого рода архивѣ для ознакомленія съ русскою стариною послѣднихъ полутора вѣка, меньше всего намъ извѣстнаго въ своихъ подробностяхъ и отбѣнкахъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, „Архивъ“ уже успѣлъ напечатать много важныхъ и интересныхъ матеріаловъ, и если на страницахъ его встрѣчаются иногда документы или снимкомъ отрывочные, или неимѣющіе, по видимому, особаго значенія, то не слѣдуетъ забывать, что въ общности, при изученіи данной эпохи, и самыя незначительныя, съ перваго взгляда, свѣдѣнія имѣютъ извѣстную цѣну и не пропадаютъ даромъ. Нѣтъ, впрочемъ, сомнѣнія, что трудолюбивый и свѣдущій составитель и редакторъ „Русскаго Архива“ будетъ, по мѣрѣ приобретаемой имъ опытности, строже къ выбору статей и замѣтокъ, входящихъ въ составъ его истинно-полезнаго сборника.

Желаемъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ новымъ періодическимъ изданіемъ за первые три года его бытія, мы, конечно, не можемъ говорить о тѣхъ важнѣйшихъ статьяхъ его, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ условіямъ программы „Военнаго Сборника“; тѣмъ съ болѣеимъ вниманіемъ остановимся мы на матеріалахъ и документахъ военнаго содержанія и, гдѣ нужно, коснемся вопросовъ общегосударственныхъ. Для сохраненія единства и послѣдовательности, расположимъ сборъ нашъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Начнемъ съ *Записокъ политическаго министра графа Басевича о Петрѣ Великомъ* (№№ 1, 2, 5 и 6-й 1865 г.). Записки эти, обнимающія двѣнадцатилѣтній періодъ времени (съ 1749 по 1725 г.), первоначально были напечатаны въ 1775 году, на французскомъ языкѣ, въ сборникъ пастора Бюминга, извѣстнаго подъ названіемъ „Магазина новой исторіи и географіи“ (*Magazin für die neue Historie und Geographie*). Басевичъ долго былъ посломъ верховнаго Голштинскаго при Петрѣ Великомъ, имѣлъ сильное вліяніе вообще на политическія дѣла съ

вара, зная все, что касалось тогдашняго русскаго двора и государственныхъ дѣлъ Россіи, участвовалъ въ переговорахъ нашего двора съ шведскимъ и голштинскимъ и по смерти Петра содѣйствовалъ возведенію на престолъ Екатерины I. Записки его, теперь впервые переведенныя на русскій языкъ, начнутся съ самой середины сѣверной войны, именно съ того момента ея, когда Карлъ XII бездѣйствовалъ въ Бендерахъ, когда генералы знаменитаго короля-полководца терпѣли поражение отъ русскихъ и когда уже нельзя было сомнѣваться въ перевѣсѣ Россіи. При чтеніи записокъ Басевича слѣдуетъ однако помнить, что онъ былъ приверженцемъ Екатерины и Меншикова и потому ввелъ въ ошибку пражскихъ нашихъ историковъ относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, между прочимъ и объ истинной причинѣ смерти царевича Алексѣя, какъ уже разъясненной изслѣдованіями академика Устрялова и трудами М. П. Погодина. Тѣмъ не менѣе подробности, сообщаемыя графомъ Басевичемъ о Екатеринѣ, о вліяніи ея на Петра и о дѣйствіяхъ Меншикова, не подлежатъ сомнѣнію. Тамъ, напримѣръ, Екатерина спасла Меншикова отъ неизбежнаго паденія послѣ того, какъ онъ, въ силу петербургскаго договора, вывелъ русскія войска изъ Пемераніи, „не окончивъ жатвы и уступивъ, какъ выражается Басевичъ, свои завоеванія другимъ за ничтожную сумму“. Что же касается до вліянія Екатерины на своего царственного супруга, то, по отзыву Басевича, она имѣла даже власть надъ его чувствами, и притомъ такую, „которая производила почти чудеса“. Когда Петръ подвергался припадкамъ мрачной меланхоліи, приводившимъ въ ужасъ всѣхъ приближенныхъ къ царю, одинъ звукъ голоса Екатерины тотчасъ же успокаивалъ его; она брала Петра за голову, слегка почесывала ее, послѣ чего царь засыпалъ на груди своей супруги и черезъ два или три часа, въ продолженіе которыхъ Екатерина сидѣла неподвижно, просыпался свѣжимъ и бодрымъ. Басевичъ подтверждаетъ, что Екатерина не только не получила никакого образованія, но была и безграмотна: великая княжна Елисавета подписывала всѣ бумаги, когда мать вступила на престолъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Басевичемъ о томъ, какимъ образомъ Екатерина стала царствующею императрицею, тѣмъ болѣе любопытны, что голштинскій посолъ, какъ замѣчено выше, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ ея воцаренія. Басе-

ничъ хочетъ дать понять, будто Петръ, еще при жизни своей, имѣлъ въ виду подготовить свою супругу къ будущему военному предназначенію, и что онъ не могъ надѣяться „на способность и умѣнь превратиться въ императрицу“. Дѣйствительно, Екатерина имѣла свой многочисленный и блестящій дворъ, въ которомъ преобладали нѣмецкіе обычаи; Петръ, при всякомъ случаѣ, охотно выдвигалъ ее на первый планъ: не было военного смотра, спуска корабля, церемоніи или праздника, при которыхъ не присутствовала бы Екатерина, окруженная, но вѣдь своего сундута, царскою пышностію. Слѣдующій случай, рассказываемый Басевичемъ, окончательно, повидимому, подтверждаетъ предположенія голштинскаго министра. Наканунѣ коронованія Екатерины, Петръ посѣдилъ, съ нѣсколькими сенаторами, одного поселившегося въ Москвѣ англійскаго купца, гдѣ нашелъ многихъ высшихъ духовныхъ особъ, въ томъ числѣ и духовника своего, архіепископа новгородскаго и архіепископа псковскаго. Этому-то обществу императоръ объявилъ, что назначенная императрица церемонія гораздо важнѣе, нежели какъ думаютъ, что онъ коронуется Екатериною для того, чтобы „дать ей право на управленіе государствомъ“; что, за недвижимъ свой на берегахъ Прута, „она достойна царствовать носивъ его смерти“. Известно однако, что Петръ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій по вопросу о престолонаслѣдіи: въ послѣднія минуты жизни, когда онъ пожелалъ письменно выразить свою предсмертную волю, изъ написаннаго имъ можно было разобрать только слова: „отдайте все...“ Какимъ образомъ приверженцы Екатерины устроили дѣло ея воцаренія еще въ послѣдніе тридцать-шесть часовъ безсознательной жизни Петра, все это подробно изложено въ запискахъ Басевича и болѣею частію извѣстно нынѣ и изъ русскихъ источниковъ, пользовавшихся этими записками въ оригиналѣ.

Басевичъ сообщаетъ, между прочимъ, свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи вооруженныхъ силъ Россіи. Въ исходѣ 1723 года регулярнаго войска насчитывалось, по его словамъ, до 120,000; кавалеріи (регулярная же) не имѣла хорошихъ лошадей и уступала въ достоинствѣ пѣхотѣ; арсеналы были полны запасами. Кроме того, что, во время шведской войны, тысячи большихъ церковныхъ колоколовъ были перелиты въ пушки, Петръ приказалъ скупить подъ-рукой, черезъ комиссіонеровъ, тѣ орудія большаго калибра, которыми шведскій сенатъ, нуждаясь въ день-

гахъ, распорядился продать на мѣсъ. Хотя всѣ шведскія пушки были испорчены, а самыя лучшия даже разбитыя пополамъ, однако, увѣряеть Басевичъ, мастера ланнихъ линейныхъ заводовъ: „сбунѣли такъ искусно ихъ снасть и залаты дыры и трещины, что изъ нихъ можно было вальть съ успѣхомъ и что даже наружная красота ихъ была сохранена“. Что касается до морскихъ вооруженныхъ силъ, то, по списку, представленному адмиралтейскъ-совѣтомъ, русскій флотъ, въ портахъ Балтійскаго моря, состоялъ, къ концу царствованія Петра, изъ сорока сличномъ военныхъ кораблей (изъ которыхъ три-четверти были построены въ Петербургѣ), 20 фрегатовъ и 150 галеръ, съ 2,200 пушекъ. Матросовъ считалось 18,000. Въ Воронежѣ также находилось много военныхъ судовъ, но сколько именно—Басевичъ не опредѣляетъ. Незадолго передъ окончаніемъ овершей войны, когда англійскій флотъ явился въ Балтійскомъ морѣ для прикрытія береговъ Швеціи, Петръ, въ виду такой угрозы, выставилъ 42 линейныхъ корабля, 6 большихъ плоскодонныхъ судовъ, 15 пловучихъ батарей, 300 галеръ, 300 транспортныхъ судовъ для пѣхоты и 180 для кавалеріи, 20 бригантинъ, 4 бомбарды и 6 кораблей госпитальныхъ.

Какъ сказаніе современника, очевидца и участника въ знаменательныхъ событіяхъ, записки графа Басевича всегда останутся хорошимъ матеріаломъ для исторіи царствованія Петра; но, конечно, ими нельзя пользоваться безъ критической поѣтки по нѣкоторымъ вопросамъ.

Отъ мемуаровъ вліятельнаго голштинскаго министра корейденъ къ запискамъ скромнаго протестантскаго мастера, знакомящаго насъ съ нѣкоторыми обстоятельствами пребыванія русскіхъ войскъ въ восточной Пруссіи, во время *самиландской войны*. Это „Записки пастора Теге“ (№№ 11 и 12-й 1864 года), который, во второй годъ семилѣтней войны (1758), прибылъ въ Мариенвердеръ, чтобы занять здѣсь должность діакона (т. е. еще не рукоположеннаго пастора) наканунѣ вступленія сюда русскіхъ войскъ, но, именно вслѣдствіе этого событія, очутился неожиданно евангеличскимъ проповѣдникомъ въ напей арміи. Теге было тогда 34 года, и всѣ мечты его ограничивались мѣстомъ приходскаго пастора, какъ вдругъ главкомомъ русской арміи войскамъ, графъ Ферморъ, пригласилъ его къ себѣ, сказалъ отрывисто: „Вы будете нашимъ попомъ“.

пасторомъ и отправитесь съ нами въ походъ“. На возраженіе Теге, что онъ не можетъ принять это предложеніе между прочимъ и потому, что не желаетъ служить противъ своего государя, главнокомандующій отвѣчалъ: „Вы знаете, что я генералъ-губернаторъ Пруссіи и если прикажу, то самъ придворный пасторъ послѣдуетъ со мною въ походъ“. Черезъ недѣлю Теге былъ рукоположенъ, и затѣмъ ему велѣно было говорить вступительную проповѣдь, для которой текстъ былъ выбранъ самимъ графомъ: „Се скинія Божія съ людьми, и вселится съ ними, и тѣ люди Его будутъ, и самъ Богъ будетъ съ ними, Богъ ихъ.“ (Апокалип. XXI, 3). Ферморъ, по увѣренію пастора Теге, человѣкъ очень набожный, хотѣлъ выразить этимъ текстомъ свою радость, что нашелъ проповѣдника для себя и для всѣхъ вообще чиновъ протестантскаго исповѣданія, служившихъ въ нашей арміи.

Заговоривъ о тогдашнемъ русскомъ главнокомандующемъ, пасторъ Теге сообщаетъ о немъ и о русской арміи, состоявшей подъ начальствомъ графа Фермора, нѣкоторыя, нелишніе интереса подробности. Графу Фермору было тогда около пятидесяти лѣтъ. Средняго роста, имѣя лицо красивое, хотя нѣсколько блѣднее, онъ держалъ себя всегда очень важно въ обхожденіи съ людьми знатными и съ чинами своего штаба, но съ низшими обращался кротко и пріятливо, былъ чрезвычайно милосердъ къ бѣднымъ и угнетеннымъ, безотлагательно изслѣдовалъ жалобы и строго наказывалъ виноватыхъ. Особенно строго наказывалъ онъ нижнихъ чиновъ за грабежи и наиболѣе преступныхъ отсылалъ въ Рогервикъ на арестантскія работы. По его повелѣнію, летучіе отряды, предшествовавшіе арміи, имѣли обязанностію охранять тѣ деревни, черезъ которыя она должна была проходить. Эта предосторожность употреблялась преимущественно противъ казаковъ и калмыковъ, потому что регулярныя войска были приучены къ строгому повиновенію, и если подчасъ обижали жителей, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сами жители раздражали солдатъ сопротивленіемъ или стрѣляя въ нихъ изъ-за заборовъ. На походѣ графъ Ферморъ никогда не садился въ карету, но ѣхалъ верхомъ, несмотря ни на какую погоду и на дальность перехода; въ городахъ и деревняхъ никогда не занималъ квартиры—развѣ гдѣ останавливался на продолжительное время—но всегда располагался въ своей палаткѣ, которую разбивали по-

среди лагеря. Палатка была круглая, турецкая, обшитая тканью сверху; снаружи обита бѣлымъ сукномъ, а внутри бѣлою и голубою парчею. Вокругъ съ припрятіемъ шель впереди; грабленія палатки и вещи везлись на верблюдахъ; потомъ сѣдлою самъ главнокомандующій, предшествуемый конвоемъ изъ двухъ тысячъ казаковъ и калмыковъ; за конвоемъ эскадронъ кирасиръ съ литаврами, которые, вѣсть съ остальною музыкою, никогда не умолкали. За музыкой шли два адъютанта; за адъютантами генераль-адъютантъ; наконецъ самъ Ферморъ, окруженный генералами; въ хвостъ множество слугъ и прикрытіе изъ лейбъ-казаковъ.

Въ современномъ журналѣ „Минерва“, который издавалъ Архенгольцъ (впоследствии историкъ семилетней войны), французъ де-ла-Мессьеръ помѣстилъ статью, гдѣ старался доказать, будто графъ Ферморъ, подкупленный королемъ прусскимъ, дѣйствовалъ въ его интересахъ, и что, будучи хорошимъ интеллигентомъ, онъ былъ плохой боевой генералъ. Пасторъ Теге вслѣдствіе опровергаетъ клевету француза относительно сомнительной преданности Фермора русскому правительству, прибавляя, что ни о чемъ подобномъ онъ не слышалъ въ арміи, въ которой однако главнокомандующій имѣлъ довольно враговъ. Благоразумно не принимая на себя роли судьи въ военномъ дѣлѣ, пасторъ Теге передаетъ только мнѣніе другихъ о неудачномъ выборѣ Ферморомъ позиціи при Цорндорфѣ и о невыгодахъ построения нашей арміи въ большое каре. Съ прибытіемъ корпуса генерала графа Чернышева, численность ея возрасла до 50,000 человекъ. По срединѣ огромнаго каре, тамъ, гдѣ мѣстность представляла углубленіе, былъ поставленъ малый обозъ съ младшимъ штабомъ (Unterstab), при которомъ находился и пасторъ; главный же вагенбургъ стоялъ въ четверти миль оттуда, подъ прикрытіемъ 8,000 человекъ. Теге замѣчаетъ, что такое расположеніе обоза было неудобно, такъ какъ онъ стоялъ недалеко отъ пути движенія Фридриха, который легко могъ истребить его и неизвѣстно почему не сдѣлалъ этого. „Никогда не забуду я—разсказываетъ пасторъ—тихого, величественнаго приближенія прусскаго войска. Я желалъ бы, чтобы читатель могъ живо представить себѣ ту прекрасную, но страшную минуту, когда прусскій строй вдругъ развернулся въ длинную кривую линію боеваго порядка. Даже русскіе удивлялись этому невиданному зрѣлищу, которое, по общему

нейшимъ, было торжествомъ тогдашней тантики великаго Фридриха. До насъ долетала грозный бой пруссакикъ барабановъ, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы удивляли звуки гобоевъ, игравшихъ на-вѣстный гимнъ: „Ich bin ja, Herr, in deiner Macht“ (въ Твоей я власти, Господи!) Пока неприятель приближался шумно и торжественно, русскіе стояли такъ неподвижно и тихо, что, казалось, не было живой души между ними. Но вотъ раздался громъ пруссакикъ пушекъ....“

Объ исходѣ сраженія при Цорндорфѣ пасторъ Теге выражается такъ: „Безпристрастный наблюдатель не могъ не замѣтить, что обѣ стороны имѣли нѣкоторое право приписывать себѣ побѣду, какъ оно и было дѣйствительно“. (*)

Вскорѣ по отъѣздѣ графа Фермора изъ арміи (въ началѣ 1759 года), пасторъ Теге былъ арестованъ по распоряженію русскаго правительства, отвезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ два года. Его считали орудіемъ графа Фермора въ интрижкѣ соединенія съ Фридрихомъ, но слѣдствіе показало, что все это было выдумкою противной Фермору партіи. Пасторъ возвратился на родину и получилъ, чрезъ посредство генералъ-квартирмейстера нашей арміи, полковника Рейндорфа, мѣсто приходскаго проповѣдника въ Побегенѣ. Здѣсь Теге умеръ въ глубокой старости.

Изъ числа многихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи царствованія императрицы Екатерины, мы остановимся на самомъ важномъ и интересномъ: это собственный „Разсказъ императрицы о первыхъ пяти годахъ ея царствованія (№№ 4-й и 7-й 1865), кратко, но рельефно очерчивающій то положеніе дѣлъ, которое Екатерина нашла по вступленіи своемъ на престолъ. Начать съ того, что наша армія, находившаяся въ Пруссіи, не получала жалованья за двѣ трети, и хотя императрица Елисавета старалась, во время семилѣтней войны, занять *des*

(*) Фридрихъ имѣлъ право приписывать побѣду себѣ: у него было 88 баталіоновъ, 83 эскадрона, 117 орудій, кромѣ полковыхъ, всего до 33,000 человекъ, а у Фермора 76 баталіоновъ, 51 эскадронъ и болѣе 360 орудій, всего около 52,000 человекъ. Фридрихъ потерялъ 3,600 убитыхъ, 6,200 раненыхъ, 1,500 пропавшихъ безъ вѣсти и 26 пушекъ; Фермаръ лишился 7,500 убитыхъ, 11,000 раненыхъ, 2,800 пленныхъ и 103 орудія. Несомненно только то, что успѣхъ, одержанный Фридрихомъ, не имѣлъ существенныхъ послѣдствій, что Ферморъ удержалъ за собою поле сраженія и что наши войска дрались подъ Цорндорфомъ съ необходимыми упорствомъ и оказали чудеса храбрости. *Ред.*

милліона рублей въ Голландіи, но и этой ничтожной суммы никто не хотѣлъ дать, потому что Россія не пользовалась ни малѣйшимъ кредитомъ. Причиною тому было бѣдственное положеніе нашихъ финансовъ. Императрица Екатерина говоритъ, что монетный дворъ, во времена царя Александра Михайловича, считалъ дасть въ обращенія сто милліоновъ; но изъ нихъ сорокъ милліоновъ уже были выведены изъ государства, а оставшіеся шестидесять милліоновъ заключались въ монетѣ разнаго зѣса и пробы: серебряная монета чеканилась отъ 82 до 62 пробы, а мѣдная имѣла въ пудѣ отъ 40 до 32 рублей. Вся тамошняя имперія селась отдавать на откупъ за два милліона; почти все отрасли торговли находились въ рукахъ немногихъ монополистовъ. Въ статяхъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ лежали невыполненными. „По восшествіи моемъ на престолъ—рассказываетъ императрица—сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали шестидесять милліоновъ. По прочтеніи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Медвѣдова, тогдашняго президента камеръ-колегіи, оцѣнить доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводою; наконецъ сочли 28 милліоновъ — 12 милліоновъ больше, нежели сенатъ видѣлъ.“ Причиною бедности Екатерина полагаетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что императрица Елисавета, въ послѣдніе годы своей жизни, кошила деньги, но держала ихъ при себѣ и ничего не стнускала на государственныя нужды. Почти также поступалъ и Петръ III.

Военныя силы имперіи Екатерина нашла въ разстроенномъ положеніи, несмотря на то, что въ началѣ семилѣтней войны уже многое было поправлено. О главномъ членѣ военной коллегіи, генералъ-аншефѣ Степанѣ Федоровичѣ Апраксинѣ, императрица отзывается такъ: „Сей хлѣбосолъ превеликой былъ; любилъ лошадей, но весьма рѣдко ѣжалъ верхомъ по причинѣ роста и превеликой толщины и тяжести своего колосальнаго корпуса. Военнымъ людямъ потакалъ во всякой индисциплинѣ, объ штатахъ никакихъ не думалъ ни онъ, ни подчиненные его, кои рыбу ловили въ мутной водѣ“. Генералы, съѣхавшіеся на коронацію Екатерины въ Москву, считали необходимымъ учредить особую комисію для составленія штатовъ всей арміи, на что императрица согласилась и назначила членами

этой комисіи лучшихъ тогдашнихъ генераловъ. „Штаты были сочинены—говоритъ императрица—мною конфирмованы, и суммы на войска отдѣлены отъ прочихъ доходовъ, недостаточны же двѣ трети были, на первый случай и тотчасъ по восшествіи моемъ, отпущены изъ кабинетной суммы въ армію.“

Отдѣлъ матеріаловъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, для исторіи царствования Екатерины II вообще одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Особенно много данныхъ встрѣчается относительно самой императрицы и характеристики главныхъ дѣйствователей того времени, которые, болѣею частью, очерчиваютъ сами себя въ своей перепискѣ, конечно никогда непредназначавшейся для оглашенія. При разборѣ подобныхъ историческихъ матеріаловъ нельзя не подивиться, какъ много ихъ у насъ хранится до сихъ поръ въ неизвѣстности и ждетъ разумнаго употребленія въ дѣло. Напримѣръ, извлеченія „Изъ бумагъ князя Потемкина Таврическаго“ (№ 1-й 1865), въ числѣ которыхъ находится секретный рескриптъ Екатерины о Польшѣ, письма къ Потемкину статей-секретаря В. С. Попова показываютъ, сколько важныхъ и любопытныхъ историческихъ бумагъ собрано въ архивѣ мѣстечка Рѣшетилковки (Полтавской губерніи). Тутъ не одна потемкинская канцелярія, которую управлялъ Поповъ, но много и другихъ бумагъ позднѣйшей эпохи, такъ какъ Поповъ до самой смерти своей занималъ высшія должности. Укажемъ еще на „Матеріалы для исторіи морской экспедиціи“ (1770): 1) два рескрипта императрицы адмиралу Спиридову; 2) письмо графа А. Г. Орлова къ Спиридову; 3) письмо адмирала Спиридова къ императрицѣ Екатеринѣ (№№ 5-й и 6-й 1864).

Любопытны „Подлинныя анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ“ (№ 7-й 1865), знаменитомъ полномочномъ министрѣ и послѣ Екатерины при дворѣ Станислава-Августа Понятовскаго. Они извлечены изъ журнала и переписки Джемса Гариса, англійскаго посла въ Россіи съ 1777 по 1782 годъ, до назначенія на этотъ постъ пріѣзжавшаго въ Варшаву, гдѣ, 7-го октября 1767 года, онъ былъ свидѣтелемъ того сейма, на которомъ делегація заключила съ Репнинымъ трактатъ 24-го февраля 1768 года о возстановленіи правъ поляковъ на „liberum veto“ и на образованіе конфедерацій и объ огражденіи правъ диссидентовъ. Анекдотами этими подтверждаются преданія о томъ, какъ распоряжался князь Николай Васильевичъ въ Вар-

давъ. По словамъ Гарриса, онъ игралъ въ Варшавѣ болѣе значительную роль, чѣмъ король, съ которымъ, равно какъ и съ самыми важными людьми, обращался въ высшей степени высокомерно. Въ засѣданіяхъ делегации Репнинъ вслѣдствію занималъ ротъ словами: „такова воля императрицы“, а во время засѣданія, которымъ отрывался сеймъ, князь, окруженный четырьмя или пятью генералами, стоялъ въ соседней комнатѣ, внутреннія окна которой выходили въ залу собранія. Наблюдая за всѣмъ происходившимъ въ залѣ, онъ высовывалъ во временахъ въ окно голову и грозилъ кому слѣдовало. Въ день именинъ императрицы, папскій нунцій полтора часа ждалъ въ приемной Репнина, чтобы принести ему поздравленіе. Въ театрѣ актеры не начинали представленія до пріѣзда князя, несмотря на то, что король уже сидѣлъ въ ложѣ. Однажды, у примаса, зашла рѣчь о тѣхъ короляхъ Польши, которые, будучи принуждены бѣжать на чужбину, занимались, ради насущнаго хлѣба, разными ремеслами. Между прочимъ одинъ изъ нихъ былъ ювелиромъ во Флоренціи. Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что такая судьба поставила бы его въ крайне затруднительное положеніе и онъ не зналъ бы чѣмъ существовать. „Извините меня—возразилъ князь Репнинъ — вѣдь ваше величество отлично танцуете.“

Какъ императрица Екатерина нашла, при вступленіи своемъ на престолъ, различныя части государственнаго устройства въ непорядкѣ, такъ и императоръ Павелъ долженъ былъ, съ первыхъ же дней своего царствованія, приступить къ радикальному леченію распятавшагося государственнаго механизма. Съ какимъ необыкновеннымъ рвеніемъ занялся онъ, прежде всего, организаціей военныхъ силъ имперіи, объ этомъ свидѣлствуютъ единогласно сказанія современниковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и замѣчательный русскій человекъ, Андрей Тимофеевичъ Болотовъ, служившій капитаномъ армейскаго полка еще въ семилѣтнюю войну. Интересныя записки Болотова, перешедшія по наследству къ внуку его, покойному профессору академіи генеральнаго штаба, генераль-маіору Алексію Павловичу Болотову, были напечатаны, въ сороковыхъ годахъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщены „Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича“ (№№ 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, т. XLVIII. Отд. III.

6-й, 7-й и 8-й 1864 г.). Сказанія эти относятся къ 1796 году, т. е. въ первомъ году дѣйствій императора, и живши въ то время, когда Волотовъ давно уже жилъ въ отставкѣ, въ своемъ повѣствіи. Такъ какъ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины, онъ, по повелѣнію ея, занимался постройкою дома и устройствомъ вѣнныя для графа Вобрянскаго (въ Богородицкомъ уездѣ Тульской губерніи), то, по всей вѣроятности, все разсказываемое нинѣ о воцареніи императора Павла и о его первыхъ дѣйствіяхъ основано не на однихъ слухахъ, но и на нѣкоторыхъ, изчерпнутыхъ изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, нѣвѣстия, сообщаемыя Волотовымъ, не противорѣчатъ тому, что уже нѣвѣстно было до ихъ обнаруженія. Умъ, энергическая дѣятельность, доброта души и строгое преслѣдованіе зла, всѣ эти качества императора Павла вполне подтверждаются современными лѣтописцами.

Военныя реформы начались, можно сказать, съ перваго же дня воцаренія Павла, чтобы — какъ выражается Волотовъ — „пробудить и оживотворить дисциплину“, дремавшую какъ во всей гвардіи, такъ и въ другихъ войскахъ, расположенныхъ въ Петербургѣ. Не смотря на суровую зиму, императоръ ежедневно присутствовалъ, въ одномъ спортуѣ, при разгонѣ и при смѣнѣ караула, что дѣлалось въ седьмомъ часу утра. Важніе князья Александръ и Константинъ пріѣзжали къ шести часамъ на полковой дворъ и находились въ строю до полудня. На другой день по вступленіи Павла на престолъ состоялось именное повелѣніе, чтобы никто изъ служащихъ генераловъ и офицеровъ не позволялъ себѣ носить гражданскаго платья, какъ то вошло въ обычай при Екатеринѣ, и чтобы всякій военнотружущій носилъ именно тотъ мундиръ, который ему былъ присвоенъ по роду службы. Всѣ гвардейскіе полки были переполнены офицерами, изъ которыхъ и половины не находилось при полкахъ; большинство офицеровъ жили или въ своихъ помѣстьяхъ, или въ Москвѣ, или въ губернскихъ городахъ и—какъ выражается добродушный Волотовъ — „только лытали, вертопрашили, мотали, играли въ карты и утопали въ роскошакъ, и за все сіе ежегодно производились и съ такою поспѣшностію въ высшіе чины, что меньше нежели черезъ десять лѣтъ изъ прапорщиковъ дослуживались до бригадирскихъ чиновъ“. Зачастую случалось, что гвардейскій офицеръ, дослужившись до капитана, „нерѣдко лежучи на боку“, тотчасъ выходилъ либо

дѣ армейскіе полковники и получалъ вождь съ доходовъ въ мѣсяцъ до десяти тысячъ, или бралъ бригадирскій чинъ при отставкѣ. Роскошь и образъ жизни екатерининскихъ гвардейскихъ офицеровъ были кабаровскія по нѣмѣцкому значенію полагать, но естественны по тогдашнимъ идеямъ. Кроме нѣсколькихъ мундировъ, въ которыхъ каждый, по курсу того времени, стоилъ 120 серебряныхъ рублей, гвардейскій офицеръ имѣлъ полный гардеробъ статскаго дворя: новомодные фраки, куртки, шубы, шелковые чулки, дорогіе плащи, еще болѣе дорогія шубы и... мушты! Шестью лошадей или, по меньшей мѣрѣ, четверка, карета, егерь или гусарь, обильныя золотомъ и серебромъ, и многочисленная прислуга считались неслучайною принадлежностію гвардейца. Государь началъ съ того, что всѣхъ находившихся въ домовыхъ охранныхъ потребовалъ на службу, и нельзя—говоритъ Волотовъ—„образовать, какъ перетревожились всѣ сіи туневоды и какаля, со всѣхъ сторонъ, началась смячка и гошба въ Петербургъ“. Дорогие мундиры приважно было зашивать болѣе простыми, въ темно-зеленаго сукна, подбитые стамедомъ, съ бѣлыми пуговицами, такъ что мундиръ стоилъ не болѣе 22 рублей; запрещалось носить шубы и мушты, ѣздить въ каретѣ и имѣть за собою слугу, одѣтыя въ егерское, гусарское или казачье платье. Только жены офицерскія имѣли право ѣздить въ каретѣ, да и то парюю лошадей, а офицерамъ позволялось либо верхомъ, либо въ саняхъ и дрожкахъ. Не смотря на запрещеніе носить шубы, одинъ гвардейскій офицеръ попался государю въ этомъ парадѣ: шуба его, по словамъ Волотова, была отбита тутъ же, на улицѣ, будочнику. За то другой офицеръ, капитанъ Левашевъ, желая угодить государю, пришелъ, со своею командою, на плацъ-парадъ въ жестокой морозъ не только безъ шубы и безъ плаща, но и безъ перчатокъ. Императоръ хотя и остался доволенъ такимъ усердіемъ, однако приказалъ Левашеву и другимъ офицерамъ его роты надѣть перчатки. Воспользовавшись лесенымъ расположеніемъ дула императора, Левашевъ осмѣлился сказать: „Мы все, государь, въ угодность твою сдѣлаемъ; не вероши только ты насъ“. Императоръ засмѣялся. Дѣло въ томъ, что государю хотѣлось, чтобы гвардія какъ можно скорѣе привыкла новому, такъ называемому, „артикулу“ или „экзерцици ружья“. Три улова о воинской службѣ были обнародованы 29-го ноября 1796 г., и Измайловскій

волею въ одну ночь выучился новому „артикулу“, за что въ приказѣ объявлено было полку особенное благоволеніе, а офицеры награждены чинами.

„Нельзя изобразить—говоритъ Волотовъ—въ какой странности и удивительномъ положеніи была гвардія, и роль многія злоупотребленія во всемъ господствовали въ высочайшей степени въ оной. Ежели бъ все то изобразить, то оставалась бы прелюбопытная картина для потомства, и потомки наши не только бъ стали удивляться, но едва ли бъ въ состояніи были повѣрить, чтобъ все то существовало въ самомъ дѣлѣ, и скрѣпе могли бы подумать, что то выдуманная басня и совершенная набывальщина.“ Гвардейскіе солдаты, живя многіе десятилѣтъ на одномъ мѣстѣ и неся одну караульную службу, до того изнѣжились и избаловались, что трудно было справиться съ ними. Многіе солдаты обзаводились цѣлыми домами и жили въ довольствѣ; другіе постоянно числились въ отпускахъ, и потому въ гвардейскихъ полкахъ состояла налицо едва половина людей, но жалованье отпускалось на всѣхъ. Сержантовъ и унтеръ-офицеровъ считалось въ гвардіи до *двадцати тысячъ*. Обычай записывать дѣтей въ гвардейскіе полки укоренился и распространился до того, что не только дворяне, но лица духовнаго званія, подьячіе, купцы, вольноотпущенные, прощскаки и подкунами, спѣшили послѣдовать этому обычаю. „Злоупотребленіе сіе—разсказываетъ съ негодованіемъ правдивый современникъ—достигло до такой степени, что можно было записывать не только взрослыхъ и большихъ, но и самыхъ маленькихъ, и не только дѣтей, но и самыхъ еще младенцевъ грудныхъ; и бѣшенство сіе достигло до того, что отыскивались такіе, которые записывали и совсѣмъ еще не родившихся (т. е. сыновей своихъ) и получали на нихъ паспорта съ оставленными для имени пустыми мѣстами. И вся мелюзга сія не только записывалась, но жалована была прямо либо въ унтеръ-офицеры, либо въ сержанты; но и сямъ еще многіе не довольствовались, но хотѣли, чтобъ ребятишки ихъ и самыя иногда малѣйшія дѣти включались въ дѣйствительную службу и чтобъ имъ почти отъ рожденія шло старшинство и чтобъ можно было потомъ, чрезъ проски, самыхъ ребятишекъ брать въ выпускъ капитанами.“ Взрослые гвардіи сержанты и унтеръ-офицеры также не несли дѣйствительной службы, но жили по домамъ и, будучи произведены въ капитаны или поручики,

зачислялись въ армейскіе полки, гдѣ садилась на голову настоящихъ служакамъ—офицерамъ. Списки арміи были переполнены такими сверхкомплектными офицерами, получавшими однаго жалованья (*).

Почтенный Андрей Тимошевичъ, начавшій службу рядовымъ при императрицѣ Елисаветѣ и опытомъ извѣдавшій все ея трудности, естественно, не могъ равнодушно писать о той распущенности, въ которой императоръ Павелъ засталъ гвардію, и слѣдующія слова его не должны казаться преувеличенными. „Всѣмъ извѣстно—пишетъ онъ—что ничто все благородное руссiйское юношество такъ много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служба они (т. е. юноши) дѣлались и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего, и буйными, и негодными; словомъ, гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою.“

Въ разказахъ своихъ о дѣйствіяхъ императора Павла по преобразованію военной части, Болотовъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, какою любовью и преданностію пользовался уже тогда великій князь Александръ Павловичъ и со стороны народа, и со стороны вѣрнаго. „Народъ любилъ и почиталъ его почти до самаго обожанія; не успѣвалъ онъ на улицы показываться, какъ повсюду кричали ура! и благословляли его наидостойнѣйшими именами“. Семеновскій полкъ, въ которомъ великій князь служилъ полковникомъ, угодилъ въ особенности государю на разводѣ 20-го ноября 1796 г. По этому случаю

(*) Какъ ни странно можетъ показаться сказаніе Болотова о записываніи въ военную службу еще неродившихся дѣтей, но бывали явленія и еще сроднѣе.

Въ „Запискахъ Пушкина“ помѣщены, между прочимъ, четыре разказа г-жи З... о Потемкинѣ. Вотъ что въ одномъ изъ нихъ говоритъ эта дама: „Потемкинъ очень меня любилъ: не знаю что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки были еще *maîtresse de chambre* (учительница на ертенцянко). Разъ она мнѣ говоритъ: „Madame, je ne puis rester à Petersbourg.“ (Я не могу остаться въ Петербургѣ.) — „Pourquoi ça?“ (Почему же?)— „Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un écrivain ou bien de renter ci-contre.“ (Зимой я могу давать уроки, но лѣтомъ всѣ разъѣзжаются по дачамъ, а я не въ состояніи нанять экипажъ или сидѣть безъ дѣла.)— „Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre.“ (Нѣтъ я васъ не отпущу; надо уладить это дѣло такъ или иначе.) Привѣщаетъ его мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: „какъ ты хочешь, Потемкинъ, а намъ зелью моему привези куда-нибудь“. — „Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать, право, не знаю.“ — Что же? чрезъ нѣсколько дней прислала мою мамзель къ какому-то полку и дала ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.“ (Сочиненія А. С. Пушкина, IV, 108, изд. Я. Исакова.)

Болотовъ замѣчаетъ, что молодой великій князь довелъ своихъ семеновцевъ до желаемого родителемъ совершенства не строгостію, но убѣжденіями и ласкою. Нерадивыхъ же или чѣмъ-нибудь провинившихся Александръ исправлялъ только тѣмъ, что грозилъ отправить въ Измайловскій полкъ. „Если вы не хотите слушаться—говаривалъ онъ—то отошлю васъ къ брату Константину: тамъ скорѣе вы научитесь.“

Въ слѣдующей статьѣ поговоримъ о матеріалахъ, относящихся къ царствованію императора Александра I и къ исторіи близкой къ намъ старинѣ.

Die italienische Armee in ihrem heutigen Bestande, mit specieller Berücksichtigung der Infanterie, von v. Wittich, Premier-Lieutenant im Cadetten-Corps. Berlin. 1865.
(Современное положеніе итальянской арміи и преимущественно пехоты. Соч. Виттиха. Берлинъ. 1865.)

Крайній недостатокъ въ военной литературѣ сочиненій, относящихся до нынѣшней итальянской арміи, заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе познакомить читателей, „Военнаго Сборника“ съ трудомъ прусскаго офицера, сообщившемъ любопытныя свѣдѣнія о предметѣ, который не можетъ не обращать особеннаго на себя вниманія вслѣдствіе исключительно ему одному свойственныхъ причинъ и обстоятельствъ.

Итальянская армія, какъ и весь государственный строй современной Италіи, вмѣщаетъ въ себя множество самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ, которые, въ настоящій моментъ, могутъ быть соединены лишь весьма слабыми узами и отношеніями. Стремясь, какъ и все государство, къ возможно-полному обобщенію и уравниенію всѣхъ противоположенностей и различій, армія эта не представляетъ такой рѣзко очертанной и ярко выдающейся картины, какъ всякая другая армія, издавна существующая и имѣющая болѣе или менѣе славныя преданія.

Къ тому же, какъ армія новаго государства, гдѣ конституціонное начало получило самое широкое примѣненіе, она неизбѣжно, въ главныхъ своихъ жизненныхъ условіяхъ, должна заключать многое не встрѣчающееся въ войскахъ государствъ, развитіе которыхъ совершалось иначе. По современному полнѣ-

тщательному положению Италии и характеру государственника в ней стремлений, итальянская армия, без сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени должна занять почетное мѣсто. Твердое убѣжденіе въ неизбежности скорой войны преизящаетъ всю націю, подѣловіе чело и значеніе арміи для страны достаточно разсѣять, подобныя которымъ едва-ли встрѣчаемъ мы въ другихъ государствахъ. Вся армія пользуется огромною популярностію, начиная съ верховъ, какъ первого ея солдата, до послѣдняго суровика; отъ нихъ нація ожидаетъ осуществленія самыхъ пламенныхъ стремлений и окончательнаго устройства единой Италии, и потому не жалится денегъ на расходы по военному вѣдомству.

Въ короткое время въ итальянской арміи были произведены многочисленными преобразованиями, основанными на опытѣ послѣдней войны. Можно сказать утвердительно, что вышшія военныя силы Итальянскаго королевства составлены изъ элементовъ неслыханно новыя, какъ составилось и самое государство. Не разумѣется само собою, что надремы новыя элементы послужила армія сардинская, и ее, по справедливости, должно считать полнѣею итальянской арміи. Дука, господствующій въ сардинской арміи, переица и въ итальянскую.

Вышнее Сардинское королевство не только стремилось занять въ ряду прочихъ государствъ Апеннинскаго полуострова почетное болѣе видное, но, вслѣдствіе географическихъ условий страны, находясь между двумя первоклассными державами, Франціею и Австріею, оно всегда должно было быть готовымъ къ войнѣ. Изъ такого сознанія своего положенія вытекала необходимость содержать боевую армію; отсюда же вытекло и основаніе тѣхъ воззрѣній на войско, которыя господствуютъ въ современномъ Итальянскомъ королевствѣ. Шаткость положенія королевства вынуждала во всѣхъ его обитателей, проникнутыхъ патриотизмомъ, глубокое убѣжденіе въ томъ, что новое государство всегда должно быть готово вѣстись за оружіе.

Но итальянцы, одаренныя по преимуществу здравымъ, практическимъ смысломъ, сознають, что, при такомъ положеніи государства, необходимыми матеріальными жертвами народа, и потому до сихъ поръ безпрестанно росли платенныя налоги, поглощаемыя болѣею частью содержаніемъ многочисленной арміи.

Въ началѣ первой итальянской войны (въ 1848 году) Сардинское королевство имѣло армію въ 50,000 человекъ, очень

удовлетворительно организованную. Армія эта въ сраженіи при Новаррѣ (въ мартѣ 1849 года) была, подобно прусской арміи при Іенѣ, совершенно уничтожена не только матеріально, но и нравственно, послѣ чего наступилъ періодъ значительныхъ военныхъ преобразованій, болышую частію совершенныхъ генераломъ Альсисомъ Ламарморомъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся военныхъ организаторовъ нашего времени. Результаты первоначальныхъ его въ этомъ отношеніи мѣръ и распоряженій обнаружались въ крымской войнѣ. По смерти же брата своего, Александра, Ламармора, назначенный сперва главнокомандующимъ сардинскихъ войскъ въ Крыму, а потомъ военнымъ министромъ, довелъ сардинскую армію до того блистательнаго состоянія, въ которомъ она является въ войнѣ 1859 года. Въ то время она состояла изъ 90 баталіоновъ пѣхоты, 36 эскадроновъ и 20 батарей, всего изъ 60,000 человекъ, съ резервомъ отъ 30—до 40,000. Въ началѣ 1859 года она содержала въ себѣ много волонтеровъ изъ разныхъ частей Апеннинскаго полуострова, которые поступали въ ряды ея подъ вліяніемъ тогдашняго настроенія умовъ. Число такихъ охотниковъ въ одной регулярной арміи простиралось до 8,000 человекъ, и сверхъ того до 4,000 человекъ состояли въ отрядѣ Гарибальди. Ламармора хотя и опасался, что подобная примѣсь постороннихъ элементовъ можетъ внести разстройство въ организацію сардинской арміи, однако долженъ былъ уступить всеобщему влеченію. Затѣмъ условія мира, заключеннаго въ Виллафранкѣ, разновременно ввели въ составъ новой *итальянской арміи* различныя военныя силы прочихъ государствъ полуострова, о которыхъ мы скажемъ теперь нѣсколько словъ для болѣе ясной характеристики современной намъ итальянской арміи.

Армія эта получила прежде всего приращеніе изъ Ломбардіи, въ числѣ 37,000 солдатъ, служившихъ въ рядахъ австрийскихъ войскъ. Изъ нихъ около 1,200 человекъ бѣжали; остальные оказались достойными учениками австрийской военной школы. Весь этотъ контингентъ былъ распределенъ по различнымъ полкамъ бывшей сардинской арміи, что дало возможность увеличить ея составъ, при чемъ сформированы были шесть гренадерскихъ, 10 линейныхъ полковъ, 6 баталіоновъ бергамаски, 3 кавалерійскихъ полка и 12 артилерійскихъ батарей. Послѣ сраженія при Маджентѣ вспыхнула какъ известно, возстанія въ государствахъ средней Италіи. Герцогиня Пармская освобо-

для войска свои отъ дальной или приехи; бригада меденная, оставалась вѣрною своему герцогу, перешла имѣть съ нини въ австрійскія владѣнія; въ Тосканѣ же войска присоединившись къ восстанію; въ Романъ образовалась такъ называемая легионъ средней Италіи, устройствомъ котораго заведывалъ генералъ Санги. Войска вѣтъ этикъ вель, въ число около 30,000 человекъ, присоединени были, въ мартѣ 1860 года, къ итальянской арміи, которая получала въ то время слѣдующій составъ: *пятдесяти-пять* полковъ пѣхоты, *семидесятъ* кавалерій, *четыре* полка артиллеріи, въ количествѣ *сорока-восьми* батерей, и *десятью-одни* батальонъ берсаляери, что, по тогдашнему итальянцъ, должно было составлять армію въ 200,000 человекъ и 25,000 лошадей. Но цѣль эти еще не были достигнуты осенью 1860 года, когда Гарibaldi восшамърился, мимо короля Виктора-Эммануила, довершить объединеніе Италіи: итальянская армія имѣла тогда 130,000 человекъ и 17,000 лошадей.

Одновременно съ увеличеніемъ численнаго состава арміи приняты были рѣшительныя мѣры для удовлетворенія матеріальныхъ ея потребностей. Основаны были многія новыя техническія учрежденія, а существовавшія значительно расширены; некоторые частныя фабрики и заводы, занимающіеся изготовленіемъ различныхъ предметовъ для военнаго вѣдомства, какъ, напримѣръ, обширная оружейная фабрика въ округѣ Брешии, получили пособія отъ правительства. Сверхъ того, сдѣланы большіе заказы орудій, ружей и прочихъ предметовъ вооруженія за границею, въ Англіи и въ Швеціи; и приобретены отъ Франціи поукною военныя ея склады, оставленныя въ Италіи во время послѣдней кампаніи.

Съ другой стороны, итальянская армія потеряла и ущербъ въ своемъ составѣ, вслѣдствіе присоединенія къ Франціи Савойи и Ниццы, именно около 12,000 рядовыхъ и 70 офицеровъ. Ущербъ этотъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что савояры, происходившіе отъ воинственнаго и суроваго племени, составляли лучшую и самую надежную часть сардинскаго войска. И савойская бригада, еще со временъ Карла-Альберта, отличалась всегда преданностію къ своему королю и къ его династіи.

Правда, вмѣсто утраченныхъ савойскихъ войскъ, отрядъ Гарibaldi имѣлъ отъ 15,000 до 20,000 человекъ вольонтеровъ, но этотъ сбродъ оказался для правительства сущимъ бременемъ.

Слѣдовало, отсутствіе военной дисциплины и неуваженіе къ законамъ и постановленіямъ, вскорѣ обнаруженныя со стороны этихъ волонтеровъ, возбуждали весьма трудный вопросъ: что съ ними дѣлать? Въ началѣ ноября 1860 года былъ обнародованъ декретъ, предоставлявшій охотникамъ на выборъ — или поступить въ действительную службу въ ряды регулярной арміи, или обратиться снова къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Однако декретъ не имѣлъ большаго успѣха: въ военную службу поступило только 3,500 человекъ, съ такими же почти числомъ офицеровъ. Изъ нихъ сформировали четыре небольшія бригады въ кадрезомъ составѣ, казармы и размѣстили въ гарнизонахъ верхней Италіи. Между тѣмъ, правительство, вынужденное сдѣлать уступку настоятельнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія въ отношеніи этихъ охотниковъ, дало имъ, осенью 1861 года, другую организацію, вовсе не рациональную. Охотники образовали кадры для трехъ дивизій отдѣльнаго корпуса, который, въ случаѣ войны, долженъ былъ комплектоваться исключительно одними волонтерами до штатнаго состава, въ числѣ 40,000—50,000 человекъ. Въ кадры считалось до 2,000 офицеровъ, ежегодное содержаніе которыхъ стоило *шести* милліоновъ франковъ. Къ счастью, существованіе этой дивизіи было вѣснѣе: какъ скоро правительство почувствовало себя на столько сильнѣе, что не находило болѣе нужнымъ угодить требованіямъ общественнаго мнѣнія, оно расформировало дивизію волонтеровъ.

Отъ присоединенія остатковъ вѣрней неаполитанской арміи военныя силы новаго королевства также выиграли мало. Только увеличеніе, чрезъ это, матеріальныхъ средствъ имѣло свое значеніе, потому что на всѣ военныя хозяйственныя учрежденія короля Фердинандъ обращалъ большое вниманіе и тратилъ большія суммы.

Неаполитанское королевство имѣло, вѣрному, вполнѣ удовлетворительную армію, въ 99,000 человекъ, хорошо вооруженную и обученную; но въ нравственномъ отношеніи она была ненадежна, и потому быстрое распаденіе всей этой арміи не должно казаться удивительнымъ. Итальянская армія получила однакожь отъ неаполитанской значительное количество годныхъ лошадей, которыя особенно цѣнны въ Италіи, очень небогатаго этимъ животными.

Брешюра генерала Торре, составленная на основаніи сен-

цельныхъ документовъ, изобретаетъ постепенное приращеніе итальянской арміи въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Человѣкъ.
Къ концу 1859 года сардинская (пьемонтская) армія состояла изъ	111,300
Присоединеніемъ, въ началѣ 1860 года, Ломбардіи она достигла	148,700
Различныя присоединенія къ теченію всего 1860 года должны были дать 174,200 чел., въ томъ числѣ: изъ Эмилии — 31,500, изъ Тосканы — 20,500, изъ Неаполитанскаго королевства — 99,500, изъ папскихъ владѣній — 22,700, всего	174,200
Что довело бы цифру итальянской арміи до	322,900

Но на дѣлѣ цифры эти измѣнились: Неаполь доставилъ едва 60,000 человѣкъ, а папскія владѣнія бездѣлку. Если же принять во вниманіе, что тагъ называемая южная армія дала около 3,500 человѣкъ, что около 12,000 человѣкъ поступили охотниками и что ежегодный, обмороженный наборъ долженъ былъ дать еще 250,000 человѣкъ, то вся итальянская армія къ концу сентября мѣсяца 1863 года должна была состоять изъ 509,000 человѣкъ, на дѣлѣ же она достигла только 380,000 человѣкъ.

Въ томъ числѣ войскъ дѣйствующихъ 273,000, войскъ резервныхъ 107,000 человѣкъ.

Главныя причины таковой разницы, въ 130,000 человѣкъ, заключаются въ слѣдующемъ:

	Человѣкъ.
1) Присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы уменьшило армію на	12,000
2) Уволено за неспособностію до	17,200
3) Умерло	15,000
4) Разновременно бѣжали (въ томъ числѣ съ мая 1862 года по декабрь того же года 7,700 человѣкъ)	16,200
5) Отчислено во флотъ (морскую пѣхоту)	3,900
6) Освобождены отъ службы: а) по рекламаціи, какъ неправильно взятые	9,100
б) За выслуженіемъ полныхъ сроковъ для Пьемонта и Ломбардіи съ 1830 по 1836 годъ	20,300
в) За окончаніемъ перваго четырехлѣтняго срока службы	41,000
	134,700

Что же касается до влияния всѣхъ этихъ переменъ на качество армій, то оно не могло быть благоприятно. Разношерстность, разнохарактерность, революционныя тенденціи, распущенность—вотъ какіе элементы вошли, большею частію, въ военныя силы новаго Итальянскаго королевства, и развѣ только новобранцы, обученные представителями старой сардинской арміи, могли считаться надежными солдатами.

О достоинствѣ итальянца какъ солдата еще велика предрѣшеніе рѣшительнаго сужденія. Дольше господствовало въ Европѣ мнѣніе, что итальянецъ вообще не способенъ къ военной службѣ; признавая за нимъ личную храбрость, отвергали въ немъ присутствіе другихъ необходимыхъ для военного дѣла качествъ, наприимѣръ: склонности къ порядку и дисциплинѣ, повиновенія, способности слѣваться въ одно нераздѣльное цѣлое. Но такому приговору итальянцы могутъ противопоставить немалое число примѣровъ изъ военной исторіи и сужденія безпристрастныхъ писателей, подтверждающихъ совершенно противоположное объ итальянскомъ войскѣ мнѣніе. Не должно забывать, что, начиная съ XVII столѣтія, итальянскія правительства, за исключеніемъ сардинскаго, преднамеренно отклоняли своихъ подданныхъ отъ военной службы и обращенія съ оружіемъ, опасаясь видѣть въ хорошо-организованныхъ войскахъ своихъ враговъ. Къ тому же, до сего времени никогда не было чисто-національной, итальянской арміи, одушевленной общимъ стремленіемъ къ извѣстной цѣли, а потому она и не могла выказать своихъ военныхъ способностей въ большихъ сраженіяхъ. Покамѣстъ можно только сказать, что итальянцы вообще имѣютъ много физической ловкости, много природныхъ способностей, вслѣдствіе которыхъ ихъ можно скоро обучить военному дѣлу; но наружный видъ людей свидѣтельствуетъ о малосильности итальянскихъ племенъ, стало быть и о малой степени ихъ сносливости, столь необходимой для солдата.

Типомъ нынѣшней итальянской арміи является старый пьемонтецъ, какъ солдатъ, такъ и офицеръ. Первый не только физически силенъ и здоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сносливъ, не требователенъ, воздерженъ, усерденъ, серьезенъ, отличается особенно строгою дисциплиною. Офицеры славятся любовію къ службѣ, преданностію и вѣрностію своему долгу, и хотя сочувствуютъ народному дѣлу, единству и независимости Италіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ они неумолимые враги всѣхъ сумасброд-

ныхъ демократическихъ стремленій. Пьемонтцамъ немного уступаютъ ломбарды. Перебравшіе изъ австрийской службы, они приносятъ съ собою хорошую воинскую выработку, также основательное знаніе военнаго дѣла, и теперь ссылаются съ новымъ своимъ положеніемъ, по мѣрѣ того какъ уменьшаются господствовавшія въ Пьемонтѣ противъ нихъ предубѣжденіе и недовѣріе.

Жители ередней Италиі, во всѣхъ отношеніяхъ, уступаютъ даже двумъ лучшимъ представителямъ итальянской арміи. Они питаютъ особенное нерасположеніе къ военной службѣ, и потому войска этихъ мѣстностей, вошедшія въ составъ итальянской арміи, не имѣли никакого значенія по внутреннему ихъ достоинству. Что касается присоединенія къ итальянской арміи остатковъ корпуса волонтеровъ, то о пользѣ отъ нихъ можетъ дать лучшее всего понятіе взгляды на происхожденіе и составъ этихъ сборищъ. Первая тысяча, высадившаяся въ Сициліи, состояла, какъ говорятъ, изъ отборныхъ альпійскихъ и апеннинскихъ стрѣлковъ; но, за исключеніемъ небольшой стѣнки при Милано, они не имѣли до Волтурно ни одного дѣла съ неаполитанскою арміею, которая вездѣ разбѣгалась, нидаж оружіе. Поэтому и все наступательное движеніе волонтеровъ чрезвычайно мало походило на какія-либо правильныя военныя дѣйствія: это была скорѣе военная прогулка, чѣмъ кампанія, въ которой Гарибальди едва-ли имѣлъ бы успѣхъ, если бы неаполитанскія войска остались вѣрными своему долгу и прилежнѣ. Помощеніе его при Волтурно было, какъ извѣстно, крайне затруднительно, и онъ вышелъ побѣдителемъ только благодаря своевременному появленію сардинскихъ корпусовъ подъ командою генераловъ Чальдини и дела-Ронка, принявшихъ на себя всѣ трудности боя. Окопники, обѣжавшіея отсюда подъ знамена Гарибальди, скоро заставили переимѣнить о себѣ мнѣніе. Хвастался своими иными великими военными подвигами; они до чрезвычайности увеличили врожденную къ нимъ антипатію сардинскихъ войскъ и довели ее до явной вражды и полнѣйшаго презрѣнія, особенно когда сардинцы увидали все ничтожное значеніе волонтеровъ въ действительномъ сраженіи. Къ счастью, въ ряды итальянской арміи поступило лишь очень небольшое число этихъ героевъ.

Присоединеніе неаполитанской арміи было ничтожно по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ. Неаполитанскія войска проявили

сначала привлекли повеленнаго чурства долга и приказанности къ королю; но это продолжалось весьма короткое время и окончилось все слабее, на иждъ того, какъ обнаруживались деморализація и случаи неспособности и явной лѣнны со стороны самихъ начальниковъ.

Новые солдаты изъ Неаполитанцевъ, поступающіе путемъ конскрипціи въ итальянскую армію, оказываются впрочемъ хорошими, пройдя строгую, сардинскую, военную школу; но далеко еще не установившіяся внутренній порядокъ въ земляхъ прежняго Неаполитанскаго королевства, а также нерасположеніе юнныхъ жителей къ военной службѣ вообще, тѣмъ болѣе къ сардинской, вдали отъ родины, представляютъ не мало затрудненій относительно возвращенія къ Неаполи.

Въ настоящую же минуту всякая Италия имѣетъ большое значеніе для кавалеріи итальянской арміи. Неаполитанцы считаются опытными наездниками, потому что, при недостаткѣ удобныхъ путей сообщенія въ странѣ, верховая ѣзда имѣетъ дѣло необходимости. Въ Калабріи и въ Аbruццѣхъ лошади, по прѣсхожденію, какъ полагають, арабскія, отличались довольно красивымъ сложеніемъ, соединяютъ въ себѣ съ быстротою бѣга большую спосливость и требуютъ малого ухода.

Островъ Сицилія постоянно находится въ ненормальномъ отношеніи ко всему королевству и не участвовалъ вовсе въ конскрипціи, какъ и островъ Сардинія. Выбѣтъ съ образованіемъ Итальянскаго королевства распространена и на эти оба острова общая для всѣхъ обязанность участвовать въ военной повинности, и нельзя не удивляться, какіе славные солдаты формируются изъ почти дикихъ обитателей Сардиніи, въ которыхъ никто не хотѣлъ подозрѣвать даже способности къ дисциплинѣ. Особенное расположеніе ихъ къ ручнымъ, домашнимъ работамъ дѣлаетъ ихъ весьма полезными въ арміи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ отрядахъ чужезацевъ, которые, подъ названіемъ легіона венгерскаго и польскаго, принадлежатъ къ корпусу охотниковъ, состояли главнымъ образомъ изъ дезертировъ и выходцевъ означенныхъ двухъ національностей. Въ настоящее время находится весьма небольшой отрядъ иностранцевъ, расположенный въ Анконѣ, совершенно отдѣльно, въ составѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ, подъ названіемъ венгерскаго легіона.

Что же касается до взаимнаго между собою отношенія всѣхъ

этих разнообразных элементов, входящих въ составъ итальянской арміи, то можно сказать, что солдаты здѣсь, какъ и вездѣ, хорошо уживаются между собою и чужды природной или племенной вражды. Конечно, контингенты различныхъ мѣстностей сохраняютъ до известной степени особенности населенныхъ ими жителей, но общій всегда языкъ и оживленная природная способность народа скоро сближаются и проявляютъ эти особенности въ менѣе значительной степени, утверждая въ нихъ путемъ перемѣщій и однообразныхъ для всѣхъ военныхъ обученій и образованій не столько мѣстныхъ, провинціальныхъ, сколько общій, кельтско-итальянскій типъ солдата.

Въ отношеніи пополненія итальянской арміи людьми имѣетъ силу принятый, по предположенію генерала Ламармори, въ 1854 году, въ Сардинскомъ королевствѣ законъ о военной повинности, распространенный на все Итальянское королевство. Въ основаніи этого закона лежатъ личное, обязательное для всѣхъ, отправленіе военной службы, при чемъ допускается замѣщеніе одного лица другимъ. Военная повинность простирается на всѣхъ безъ извѣнія лица мужескаго пола, принадлежащихъ къ подданннмъ государства, безъ различія званія, состоянія и сословія, на сколько они физически къ тому способны. Никто не допускается къ отправленію какой-либо общественной должности прежде, чѣмъ не выполнитъ лежащей на немъ военной повинности или не будетъ освобожденъ отъ нея законнымъ порядкомъ. По вновь-изданнымъ правиламъ освобождаются военнѣ отъ военной службы слѣдующія лица:

а) Единственные дѣти родителей; б) единственные или старшіе (первороденные) сыновья вдовъ, равно и отцовъ, имѣющихъ уже за шестьдесятъ лѣтъ; в) первороденныя сироты; г) одинъ изъ двухъ братьевъ, одновременно призываемыхъ на службу; д) одинъ изъ двухъ братьевъ, когда другой уже состоитъ на службѣ, только не въ силу замѣны, или когда одинъ погибъ въ сраженіи или получилъ увѣчья.

Братья слѣпые, глухіе и калѣки въ расчетъ не принимаются, и по одной изъ подобныхъ причинъ освобождаются отъ военной службы лица, не только призванные уже къ ея отправленію, но и состоящія на службѣ.

Означенныя исключенія имѣютъ цѣлю соблюденіе семейныхъ интересовъ частныхъ лицъ.

Ежегодно призываются къ оружію всѣ лица, которые въ текущемъ году достигаютъ установленнаго возраста, именно двадцати-одного года. Контингенты эти обозначаются тѣмъ годомъ, въ которомъ родились лица, къ нему принадлежащія. Такъ, напримѣръ, въ 1865 году призывается къ оружію контингентъ 1844 года. Принявъ въ основаніе результатъ статистическихъ изысканій, что число лицъ мужескаго пола двадцати-одного года составляетъ *одни проценты* всего населенія страны и что изъ этого количества ровно *два трети*, по различнымъ причинамъ, не будутъ подлежать военной повинности, можно сказать, что при двадцати-двухъ милліонахъ жителей въ современномъ Итальянскомъ королевствѣ ежегодно поступаютъ въ военную службу 73,000 человекъ. Въ отношеніи отправленія военной повинности они раздѣляются на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна идетъ на комплектованіе дѣйствующей арміи, а другая поступаетъ въ резервъ.

Количество лицъ *первой категоріи* опредѣляется ежегодно по дѣйствительной въ нихъ надобности; въ отношеніи же срока самой службы конскрипты дѣлятся опять на два класса, именно:

1) *Soldati d'ordinanza*. Они состоятъ въ продолженіе восьми лѣтъ постоянно на службѣ и по истеченіи оныхъ окончательно увольняются отъ дальнѣйшей военной повинности и не зачисляются болѣе ни въ какой резервъ. Къ такого рода солдатамъ принадлежатъ *карабинеры* (т. е. жандармы, полицейскія команды), оружейные мастера и музыканты.

2) *Soldati provinciali*. Къ разряду ихъ относятся всѣ прочіе рекруты первой категоріи. Срокъ службы для нихъ опредѣленъ въ одиннадцать лѣтъ, изъ которыхъ въ мирное время они являлись остаются въ строю, а слѣдующія затѣмъ шесть лѣтъ считаются въ резервъ, находясь въ безсрочномъ отпуску (*congedo illimitato*).

Военное вѣдомство имѣетъ, по закону, право дѣлать отступленія отъ опредѣленнаго для дѣйствительной службы числа лѣтъ и удерживать солдатъ втораго разряда на службѣ болѣе продолжительное время, смотря по дѣйствительной въ томъ надобности. Напримѣръ, только въ маѣ и іюнѣ 1862 года были распущены контингенты 1833 и 1834 годовъ (призванные къ оружію въ 1854 и 1855 годахъ), прослужившіе такимъ образомъ первые $7\frac{1}{2}$, а вторые $6\frac{1}{2}$ лѣтъ на дѣйствительной службѣ.

Ко второй категоріи относятся всѣ лица контингента, не попавшія въ первую, потому что были признаны физически менѣе способными къ дѣйствительной службѣ. Срокъ службы для нихъ опредѣляется въ пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ они обучаются непрерывно *пятьдесятъ дней* въ первомъ году, затѣмъ увольняются по домамъ и только *ежегодно* собираются для практическихъ ученій на короткое время. Черезъ пять лѣтъ, т. е. достигнувъ полныхъ двадцати-шести лѣтъ, они совершенно освобождаются отъ службы, конечно, если въ это время не будетъ войны.

Чтобы извлечь, впрочемъ, наибольшую пользу изъ такого резерва въ минуты дѣйствительной въ немъ необходимости, т. е. во время войны, въ послѣдніе годы нѣсколько измѣнили прежнее положеніе. Теперь принято за правило и лицъ второй категоріи держать непрерывно на дѣйствительной службѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ. По этой причинѣ только въ октябрѣ 1864 года, послѣ маневровъ, распущены были окончательно 35,000 человекъ второй категоріи изъ контингентовъ 1840 и 1841 годовъ.

Что касается до замѣщенія, то итальянское военное вѣдомство не принимаетъ на себя, какъ это дѣлается во Франціи, труда прискивать желающимъ освободиться отъ военной службы охотниковъ, готовыхъ замѣнить ихъ. Всякій нежелающій служить долженъ самъ прискать и поставить за себя охотника. Плата за освобожденіе отъ военной службы составляетъ 3,200 франковъ (800 р.). Изъ нихъ *замыляемый* вноситъ немедленно въ кассу 1,200 франковъ (300 р.), которые выдаются *замыляющему* не прежде, какъ по выполненіи имъ воѣхъ служебныхъ обязанностей. Это правило нашли необходимымъ установить для отвращенія нерѣдко случавшихся побѣговъ со стороны замѣняющихъ.

Кромѣ регулярнаго войска, особенныя внутреннія и внѣшнія политическія обстоятельства новаго королевства поставили его въ необходимость учредить *національную гвардію* и *отмеченіе*.

Учрежденіе національной гвардіи, распространенное теперь на всѣ города и селенія королевства, существуетъ съ 1848 года. Служба здѣсь обязательна для всѣхъ гражданъ государства, несостоящихъ въ рядахъ регулярной арміи; въ отношеніи ея не допускается ни исключеній, ни замѣщеній. Большинство національной гвардіи состоитъ изъ людей, которые имѣютъ

большой интересъ въ охраненіи существующаго порядка и законовъ, въ чемъ и заключается назначеніе національной гвардіи. Численный составъ ея доходитъ до 300,000 человекъ.

Ополченіе (подвижная гвардія) учреждено было закономъ 4-го августа 1861 года, вслѣдствіе предложенія Гарибальди сдѣлать въ стражѣ поголовное вооруженіе, при чемъ имѣлось въ виду восполнить этимъ далеко неполные въ первые годы военные резервы. Въ ополченіе зачисляются лица изъ числа состоящихъ въ спискахъ національной гвардіи, которые, выполнивъ уже лежавшую на нихъ военную повинность, физически еще годны къ военной службѣ и не достигли 35-лѣтняго возраста. Полное изъятіе отъ службы въ ополченіи, равно какъ и замѣщеніе допускаются на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ регулярной арміи. Всѣмъ лицамъ, подлежащимъ службѣ въ ополченіи, ведутся въ общинахъ особые списки трехъ различныхъ категорій: въ *первую* помѣщаются неженатые (холостые) и бездѣтные вдовцы, во *вторую*—женатые, но неимѣющіе дѣтей, и въ *третью*—женатые, имѣющіе дѣтей.

Начальникъ округа опредѣляетъ величину контингента, который долженъ быть выставленъ каждою общиною для ополченія, и затѣмъ уже особый совѣтъ (*consiglio di ricognizione*) приступаетъ къ самому набору. Прежде всего зачисляются охотники, которые обязываются прослужить два года въ военной службѣ, сохраняя за собою право перейти въ регулярную армію во всякое время, даже и въ военное; потомъ берутъ самыхъ младшихъ по числу лѣтъ изъ первой категоріи, потомъ второй и послѣ всѣхъ уже третьей, пока не составитъ полное число контингента. Особый ревизіонный совѣтъ (*consiglio di revisione*) разсматриваетъ возникающіе при этомъ жалобы и вопросы объ замѣщеніяхъ. Контингенты различныхъ общинъ распределяются по баталіонамъ, число которыхъ опредѣлено въ 220, въ составѣ 490 нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ каждый, такъ что общее число вполнѣ собраннаго ополченія равняется почти полупроценту всего населенія страны.

Ополченіе обязано во время войны отправлять, вмѣстѣ съ регулярной арміею, всю внутреннюю, гарнизонную службу въ мѣстахъ, неподверженныхъ непосредственному нападению непріятеля, прикрывать транспорты, обеспечивать сообщенія и вообще исполнять всѣ военные обязанности, отправленіе которыхъ потребовало бы командированія особыхъ отрядовъ изъ

дѣйствующей арміи. Въ мирное же время, сохраняя тишину и порядокъ, ополченіе отличается отъ національной гвардіи тѣмъ, что въ случаѣ волненій и беспорядковъ оно можетъ быть послано для усмиренія регулярныхъ войскъ и за черту своего мѣста жительства. Вслѣдствіе этого собранное ополченіе подчинено военному министру; офицеры его назначаются правительствомъ изъ числа офицеровъ дѣйствующей арміи; даже унтеръ-офицеры не выбираются, какъ въ національной гвардіи, но назначаются баталіонными командирами. Ополченіе получаетъ не только вооруженіе, но полное обмундированіе и продовольствіе отъ правительства и во время самой службы ничѣмъ не отличается отъ регулярной арміи. Оно призывается лишь по особенному королевскому приказанію (декрету) и можетъ находиться въ сборѣ *три мѣсяца*, за исключеніемъ, конечно, военныхъ обстоятельствъ. Въ особенныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, начальникъ военного округа вмѣстѣ съ гражданскимъ начальствомъ могутъ собрать вполнѣ или только частію ополченіе вѣрренной днѣ мѣстности и держать его въ сборѣ *двадцать дней*. Впрочемъ, ополченіе собирается ежегодно на двадцать дней для практическихъ ученій.

По основной идеѣ, ополченіе это, безспорно, учрежденіе полезное; но на практикѣ оно не приноситъ существенной пользы. Даже при преслѣдованіи разбойниковъ въ неаполитанскихъ областяхъ выказалась неудовлетворительность ополченія. Мало того; оно оказалось даже вреднымъ. При недостаткѣ въ этихъ мѣстностяхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и городскихъ обывателей средняго класса необходимо было, для пополненія баталіоновъ подвижной гвардіи, прибѣгать къ самымъ низкимъ разрядамъ рабочихъ и поденщиковъ, имѣвшихъ важныя причины ненавидѣть подобную службу. Она лишала ихъ заработной платы и ставила ихъ лицомъ къ лицу съ разбойниками, которые дѣлали здѣсь мало вреда имъ лично и въ добавокъ состояли обыкновенно въ дружественныхъ или даже въ родственныхъ отношеніяхъ съ земледѣльческимъ населеніемъ страны.

Что же касается національной гвардіи, то при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ она является милиціею — и только, но отнюдь не дополненіемъ арміи, сила которой основывается на дисциплинѣ, на простояющемъ изъ нея порядкѣ, на водченіи (субординаціи), какъ основѣ всякаго военного дѣйствія,

и на довѣриі, тѣсно связывающаго различныя части войска между собою. Всѣ эти условія не существуютъ въ милиціи. Какимъ образомъ могла бы возникнуть даже самая мысль о повинности, о подчиненіи дисциплинѣ среди людей, обязанныхъ только одинъ разъ въ недѣлю повиноваться своимъ начальникамъ, а затѣмъ все остальное время поступающихъ по своему усмотрѣнію? Откуда можетъ возникнуть взаимное довѣріе людей, которые, будучи принуждены дѣйствовать вмѣстѣ, не знаютъ другъ друга, и можетъ ли быть рѣчь о довѣриі къ начальникамъ, какъ скоро высшая должность не является наградою за оказанныя заслуги и подвиги или результатомъ приобретеннаго въ отношеніи службы знанія или опыта, и какъ скоро начальникъ, выбранный своими подчиненными, можетъ быть снова смѣняемъ или по произволу?

Къ тому же національная гвардія имѣетъ полное основаніе дѣйствовать какъ можно осторожнѣе, заботясь по преимуществу о своемъ самоохраненіи. Не состоя подъ вліяніемъ военной дисциплины, она находитъ въ заботѣ о своемъ семействѣ и имуществѣ довольно побудительныхъ причинъ, удерживающихъ ее отъ появленія въ минуту дѣйствительной опасности. Она слишкомъ тѣсно связана съ гражданскимъ обществомъ, чтобы рѣшиться ему противодѣйствовать, и слишкомъ слаба, чтобы выступить съ успѣхомъ противъ значительнаго возстанія. Не имѣя, какъ войско, общаго духа, она находится подъ вліяніемъ духа партій, который ведетъ къ тому, что вооруженная сила разлагается. Национальная гвардія можетъ быть полезнымъ подкрѣпленіемъ не войска, а развѣ милиціи, при чемъ, конечно, остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ: не можетъ ли быть достигнута гораздо лучше та же самая цѣль другимъ путемъ? Во Франціи, напримѣръ, убѣдились опытомъ въ неудовлетворительности національной гвардіи даже въ полицейскомъ отношеніи.

Познакомивъ читателей съ главными элементами военной силы въ Итальянскомъ королевствѣ, считаемъ нелишнимъ сообщить, въ главныхъ же чертахъ, свѣдѣнія о самомъ составѣ итальянской арміи.

По соединеніи, вслѣдствіе событій 1859 и 1860 годовъ, большей части итальянскихъ владѣній въ одно королевство подъ властію короля сардинскаго, была введена во всей странѣ

общая военная организація, существовавшая первоначально въ одномъ Сардинскомъ королевствѣ. Эту трудную задачу исполнили послѣдовательно военные министры генералы: Ламармора, Фанти и Петитти.

Вступивъ въ управленіе военнымъ вѣдомствомъ послѣ кампаніи 1859 года, Ламармора первый далъ одну организацію военныхъ силъ части королевства, но не могъ исполнѣть осуществить всѣхъ своихъ предположеній и плановъ, потому что долженъ былъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, уступить, въ 1862 году, мѣсто свое генералу Фанти. Черезъ десять мѣсяцевъ и Фанти былъ замѣненъ генераломъ Петитти, который, называя себя, какъ онъ самъ выразился, ученикомъ генерала Ламармора (*il discepolo del generale Lamarmora*), завершилъ организацію и устройство итальянской арміи по взглядамъ и предположеніямъ своемъ учителя.

Основною мыслию генерала Петитти было то, что Италия, по своему нынѣшнему политическому положенію и числу жителей (22,000,000), должна имѣть въ военное время армію въ *четыреста тысячъ* человекъ, которая, на основаніи результатовъ, представленныхъ наборами въ Сардиніи, можетъ быть сформирована ежегоднымъ призывомъ къ оружію 45,000 человекъ первой категоріи, при чемъ армія въ мирное время состояла бы изъ 245,000 человекъ. Это постоянное, по мирному положенію, войско (245,000) размѣромъ своимъ, правда, превосходитъ принятый, за общее правило, *одинъ процентъ* всего населенія страны (оно составляетъ $1\frac{1}{10}$ процента), но вмѣстѣ съ тѣмъ резервы не достигаютъ установленныхъ для нихъ нормальныхъ размѣровъ и не имѣютъ надлежащей величины служебнаго срока, потому что заданный съ этою цѣлію законъ подзудается обязательною для всей Италіи силою еще недавно.

Смотря на организацію военной силы Итальянскаго королевства собственно какъ на расширеніе военного устройства Сардиніи, съ нѣкоторыми отступленіями, обусловленными измѣненнымъ территоріальнымъ положеніемъ, генералъ Петитти старался ближе держаться принятаго имъ образца. Принявъ такое же раздѣленіе по дивизіямъ, какое существовало въ сардинскомъ войскѣ, онъ опредѣлилъ и отношеніе различныхъ родовъ войскъ между собою, по которому въ военное время пѣхота составляетъ 78,7 проц. всего войска, кавалерія 6,1 проц., артиллерія 9,7, инженерная часть 2,3 и парки 3,1.

Имѣя въ началѣ 1862 года 68 полковъ, которые составляли армию въ 320,000 человекъ, онъ рассчитывалъ довести ее болѣе сильными комплектованіями къ 1863 году до 345,000 человекъ, а въ 1864 году до 385,000 человекъ, формируя ежегодно по двѣ новыя дивизіи, по четыре полка пѣхоты въ каждой. вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣнено раздѣленіе армии на корпуса и дивизіи, вмѣстѣ которыхъ образованы военные округа числомъ семь, именно: въ Туринѣ, Миланѣ, Парижѣ, Болоньѣ, Флоренціи, Палермо и Неаполѣ (послѣдній былъ потомъ снова подраздѣленъ), и введено соединеніе полковъ по бригадамъ.

Но генералъ Петитти, по разнымъ обстоятельствамъ, не имѣлъ возможности довести армию до желаемой численности: въ концѣ сентября 1864 года, его мѣсто занялъ генералъ де-ла-Ровере, который хотя и слѣдовалъ планамъ и предположеніямъ своего предшественника, но долженъ былъ, для возможнаго уменьшенія бюджета, оставить навремя всякую попытку къ дальнѣйшему увеличенію армии. Онъ заботился исключительно о внутреннемъ устройствѣ существующаго войска. Изъ принятыхъ имъ, въ этомъ отношеніи, мѣръ и распоряженій особенно замѣчательны: преобразование хозяйственной артиллерійской части, дальнѣйшее развитіе и увеличеніе учебныхъ лагерей, увеличеніе ежегоднаго контингента до 55,000 конскриптовъ (вмѣсто прежнихъ 45,000 человекъ), съ цѣлю болѣе рациональнаго образованія резервовъ.

Въ половинѣ 1864 года вся итальянская армія заключала въ себѣ:

Восемьдесятъ полковъ пѣхоты, въ томъ числѣ 8 гренадерскихъ (отъ № 1 до № 8) и 72 полка линейныхъ (отъ № 1 до № 72). Каждый полкъ имѣлъ 4 баталіона, по 4 дѣйствующей роты, да кромѣ того 2 роты составляли депо (резервъ) полка.

Шестъ полковъ берсальери (стрѣлковъ) шестибаталіоннаго состава, по 4 роты въ баталіонѣ, да одинъ баталіонъ составляли общій для этихъ полковъ резервъ.

Девятнадцать полковъ кавалеріи, именно: 1 полкъ гидовъ, въ составѣ 7 эскадроновъ, 4 полка тяжелой кавалеріи по 6 эскадроновъ, 14 полковъ легкой кавалеріи по 6 эскадроновъ; сверхъ того 1 эскадронъ составлялъ резервъ полка.

Десять полковъ артиллеріи, въ томъ числѣ: 1 полкъ артиллерійскаго парка, въ составѣ 10 ротъ дѣйствующихъ и 2 резервныхъ, 1 полкъ понтоннаго парка, въ составѣ 9 ротъ дѣй-

ствующихъ и одной резервной, 3 полка осадной артилеріи, въ составѣ 18 ротъ дѣйствующихъ и 1 резервной, 5 полковъ полевой артилеріи, въ составѣ 16 дѣйствующихъ и 2 резервныхъ.

Два полка инженеровъ (*zappatori dei genio*) по 3 баталіона въ каждомъ; въ баталіонѣ же 6 ротъ; сверхъ того 2 роты составляютъ резервъ полка.

Три полка парка, по 8 ротъ дѣйствующихъ и 1 резервной въ полку.

Сверхъ того, считается всякаго рода нестроевыхъ чиновъ (хлѣбопекровъ, кашеваровъ, лазаретной прислуги и т. д.) 18 ротъ или 3,944 человекъ, 14 легионовъ карабинеръ (т. е. полицейской стражи), много техническихъ и учебныхъ заведеній и т. д.

Настоятельная необходимость облегчить болѣе нежели критическое финансовое положеніе королевства заставила, въ концѣ 1864 года, военнаго министра, опять Петитти, принять всѣ средства въ сокращенію военнаго бюджета. Онъ уменьшилъ ежегодный контингентъ конскриптовъ, опредѣливъ его снова въ 46,000 человекъ, приступилъ къ упраздненію во все нѣкоторыхъ резервовъ (депо) и къ значительному сокращенію другихъ, и составилъ новые штаты для всей арміи, которые получили законную силу съ 1-го февраля 1865 года.

На основаніи этого положенія, личный составъ полковъ слѣдующій:

<i>Пѣхотнаго полка:</i>	По мирному положенію.		По военному положенію.	
	Оецид.р.	Нижн. чин.	Оецид.р.	Нижн. чин.
Штабъ	23	69	23	69
Въ 16 ротахъ (по 4 оецид. и 86 нижн. чин. въ каждой) . . .	64	1,376	64	2,384
Сверхъ того въ резервѣ . . .	"	"	14	61
Итого въ полку	87	1,445	91	2,514
<i>Берсальери (стрѣлковъ):</i>				
Штабъ	32	58	32	104
Въ 32 ротахъ (по 4 оецид. и 93 нижн. чин. въ каждой) . . .	128	2,976	128	4,768
	160	3,034	160	4,872
Въ резервѣ одна рота	4	35	7	88
Итого въ полку берсальери	164	3,069	167	4,960
<i>Кавалерія:</i>				
Штабъ	16	22	11	7
Въ 6 эскадр. (по 5 оецид., 141 нижн. чин. и 112 лошадей въ каждомъ).	30	846	30	870
Итого въ полку	46	868	41	877
Въ резервѣ одинъ эскадронъ . . .	4	24	14	59
Всего въ полку	48	892	55	936

<i>Полкъ гидовъ:</i>				
Въ 7 эскадронахъ	55	1,033	60	1,074
Въ 6 рабочихъ ротахъ артиллерійскаго парка (полагая въ каждой 4 оеиц. и 105 нижн. чиновъ)	24	630	"	"
Въ каждой ротѣ по 4 оеиц. и 175 нижнихъ чиновъ	"	"	24	1,050
Одна рота ветерановъ	4	516	4	511
	28	1,146	28	1,561
Въ штабѣ понтоннаго полка	19	25	19	30
Въ 9 его ротахъ, полагая въ каждой 4 оеиц. и 126 нижн. чин.	36	1,134	"	"
По 4 оеиц. и 210 нижн. чин.	"	"	36	1,890
Въ резервной ротѣ еще	"	"	4	36
Итого въ понтонномъ полку	54	1,159	59	1,956
Въ каждомъ изъ трехъ полковъ крѣпостной артиллеріи (da piazza):				
Штабъ	16	37	18	47
Въ 16 ротахъ его, полагая въ каждой 4 оеиц. и 105 нижн. чин.	64	1,680	"	"
По 175 нижнихъ чиновъ	"	"	64	2,800
Итого въ полку	80	1,717	82	2,847
Въ двухъ резервныхъ ротахъ его	"	"	8	54
Итого	"	"	90	2,901
Въ полку № 5-й полевой артиллеріи (di campagna):				
Штабъ	22	92	24	102
Дель конныя батареи, по 4 оеиц. и 126 нижн. чин. въ каждой	8	252	"	"
210 нижнихъ чиновъ	"	"	8	420
14 пѣшихъ батарей (по 4 оеиц. и 112 нижн. чин. въ каждой).	56	1,568	"	"
По 186 нижнихъ чиновъ	"	"	56	2,604
Итого	86	1,912	88	3,126
Въ двухъ резервныхъ батареяхъ	"	"	8	80
Всего	"	"	96	3,206
Въ четырехъ полкахъ полевой же артл. (№№ 6, 7, 8 и 9-й) въ каждомъ:				
Штабъ	22	34	24	44
16 пѣшихъ батарей (по 4 оеиц. и 112 нижн. чин. въ каждой).	64	1,792	"	"
По 186 нижнихъ чиновъ	"	"	64	2,976
Итого	86	1,826	88	3,020
Въ двухъ резервныхъ его батар.	"	"	8	80
Всего въ полку	"	"	96	3,100
<i>Инженернаго полка:</i>				
Штабъ	16	38	18	46
Въ 16 его ротахъ, полагая въ каждой 4 оеиц. и 105 нижн. чин.	72	1,890	"	"
Въ ротѣ 176 нижнихъ чиновъ	"	"	72	3,150
Итого въ полку	88	1,928	90	3,196
Въ двухъ резервныхъ его ротахъ	"	"	8	54
Всего	"	"	98	3,150
<i>Парка и обоза:</i>				
Штабъ	18	18	15	26

Въ восьми ротакъ, полагая въ каждой 4 офиц. и 94 нижн. чин.	32	752		
Въ каждой 330 нижнихъ чиновъ	"	"	64	2,640
Итого въ паркѣ	50	770	79	2,666
Въ резервной его ротѣ	"	"	5	330
Всего	"	"	84	2,996

Такимъ образомъ, итальянская армія заключаетъ въ себѣ: *Восемьдесятъ* полковъ пѣхоты, четырехбаталіоннаго состава — 320 баталіоновъ; *пять* полковъ берсальери, восьмибаталіоннаго состава—40 баталіоновъ; *девятнадцать* полковъ кавалеріи (полкъ гидовъ, полкъ гусарь, четыре полка тяжелой кавалеріи, шесть легкой и семь уланскихъ), всего 115 эскадроновъ; *девять* полковъ артилеріи, всего 80 батарей и 64 роты; *два* полка инженерновъ—36 ротъ; *три* полка парковъ и обоза—24 роты; разныхъ нестроевыхъ командъ, составляющихъ, въ числѣ 110 офицеровъ и 3,063 нижнихъ чиновъ, 7 ротъ.

Что же касается до общаго состава всего военнаго вѣдомства и *дѣйствующей* арміи, то, по существовавшимъ въ концѣ 1864 года штатамъ, онъ изображался слѣдующими цифрами:

	По мирному положенію.				По военному положенію.		
	Офиц.	Нижн. чин.	Лошад.	Чиновниковъ.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Лошад.
Военное министерство и центральныя управления	"	"	"	586	"	"	"
Свита и штабы короля и принцевъ	148	215	"	"	148	215	"
Главные управления	95	"	"	"	95	"	"
Мѣстные и територіальныя управления	930	155	"	"	930	155	"
Интендантство	"	"	"	577	"	"	"
Генеральный штабъ	216	"	"	48	216	"	"
Пѣхота	6,960	115,600	"	"	7,600	201,120	1,520
Берсальери	820	15,345	"	"	835	24,800	320
Кавалерія	955	17,089	13,089	"	1,050	17,920	14,142
Артилерія	1,030	16,672	4,450	"	1,115	27,826	11,514
Инженерная часть	438	3,856	48	530	458	6,500	396
Парки	150	2,310	990	"	252	8,988	11,340
Нестроевыя команды	110	3,069	"	"	110	3,063	"
Исправительныя рабочія роты.	80	2,062	"	"			
Карабинеры (полицейскія команды)	534	20,675	5,227	"	Офицеровъ, нижнихъ чиновъ, лошадей и чиновниковъ составъ тотъ же, что и по мирному положенію.		
Ветераны и инвалиды	206	3,928	"	"			
Военно-учебныя заведенія	231	1,029	"	181			
Аудиторіятская или военно-судная часть	53	589	"	194			
Военно-медицинская часть	403	"	"	"			
Коннозаводство военное	46	453	"	"			
Итого	13,405	203,041	23,804	2,416		290,587	39,232

Итальянская армія, въ теченіе 1864 года, имѣла, за исключеніемъ офицеровъ, слѣдующую численность:

А) *На действительной службѣ, подъ ружьемъ*, было 283,238 человекъ, именно:

	Человѣкъ.
6 классовъ конскриптовъ (provinciali) съ 1838 по 1843 годъ включительно	146,573
8 классовъ конскриптовъ (d'ordinanza) съ 1838—1843 годъ включительно	101,665
2 класса конскриптовъ второй категоріи (1840—1841)	35,000
	283,238

Б) *Въ безсрочномъ отпуску* 73,580 человекъ, именно:

5 классовъ конскриптовъ (1832—1837 годовъ)	55,507
2 класса второй категоріи (1838—1839 годовъ)	18,073
	73,580

В) *Въ резервѣ* болѣе 170,000 человекъ, въ томъ числѣ:

а) Два класса второй категоріи (1842 и 1843 годовъ), еще непризванные въ армію, около	58,000
б) 220 баталіоновъ подвижной стражи	120,000
в) И еще добровольные охотники	?
	170,000

Изъ числа лицъ первыхъ двухъ разрядовъ (А и Б) *отпущены* были, въ теченіе осени 1864 года, около 89,000 человекъ, именно:

а) 1-го октября, вторая категорія конскриптовъ 1840 и 1841 годовъ	35,000
Неаполитанцы, призванные къ оружію еще въ 1858 году, въ числѣ	9,300
б) Въ ноябрѣ, первая категорія конскриптовъ 1838 года, а также призванные къ оружію въ 1857 году, въ герцогствѣ Пармскомъ	11,000
в) 1-го декабря, неаполитанцы, призванные къ оружію въ 1857 году	10,000
г) 24-го декабря, первая категорія призыва 1839 года, а также призванные къ оружію тосканцы 1846 года и неаполитанцы 1860 года	21,500
д) Выслужившіе свои сроки изъ категоріи d'ordinanza	3,100
	89,900

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ 1864 года и въ началѣ 1865 года, *призваны* къ оружію: контингентъ 1844 года въ числѣ 42,500 человекъ, такъ что, въ началѣ 1865 года, итальянская

армія состояла изъ 800,000 нижнихъ чиновъ первыхъ двухъ разрядовъ (А и В) и около 70,000 резерва (разряда В), не включая въ означенное число подвижной гвардіи, т. е. изъ 370,000 человекъ.

Содержаніе этой арміи, несмотря на сдѣланныя генераломъ Петитти сокращенія и сбереженія, составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ статей государственныхъ расходовъ. Слѣдствіе этого вѣдомства, раздѣляясь на обыкновенную, дополнительную и чрезвычайную, съ 1860 по 1865 годъ имѣла слѣдующіе размѣры:

Годы.	Обыкновенная смѣта.	Дополнительная.	Чрезвычайная.	Всего	Количество войска, содержимаго на эту сумму. Человѣкъ.
1860	55,750,000	184,250,000	18,335,000	258,335,000	188,600
1861	149,500,000	75,335,000	72,750,000	297,500,000	231,600
1862	172,335,000	4,000,000	114,000,000	290,335,000	283,800
1863	197,000,000	750,000	53,000,000	250,750,000	290,300
1864	181,500,000	22,750,000	41,750,000	246,000,000	260,900
1865	175,000,000	"	18,500,000	193,500,000	253,275

Слѣдовательно, бюджетъ военнаго министерства на 1865 годъ, благодаря сдѣланнымъ Петитти сокращеніямъ и преобразованіямъ, уменьшился на 62,500,000 франковъ противъ бюджета 1864 года и на 27,500,000 франковъ противъ смѣты, составленной генераломъ Ровере на тотъ же 1865 годъ.

Смѣта военнаго вѣдомства составляла болѣе одной трети всѣхъ государственныхъ расходовъ королевства, достигавшихъ въ 1864 году суммы 880,360,435 франковъ, а въ 1865 году 853,819,035 фр., при чемъ обнаруживался дефицитъ въ первый годъ 234,241,720 франковъ, а въ 1865 году 228,816,517 франковъ.

Авторъ разсматриваемой нами книги говоритъ затѣмъ о вооруженіи, обмундированіи и размѣщеніи итальянской арміи, объ обученіи солдатъ, объ учебныхъ лагеряхъ и о военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ заключеніе очерчиваетъ духъ итальянской арміи, ея преимущества и недостатки.

Пробужденное чувство патриотизма и идея единой итальянской народности, проникающая въ сословія современной Италіи, выражаются въ полной своей силѣ и въ войскахъ. Подобное настроеніе умовъ, продолжающееся уже плѣтъ лѣтъ, укрѣпляетъ армію и оказываетъ полезное вліяніе на развитіе

общаго духа арміи, составленной изъ столь разнородныхъ элементовъ. Пестрая амальгама, представляемая составомъ арміи Итальянскаго королевства, понемногу измѣняетъ свой *сардинскій* характеръ въ *итальянскій* и возвышается на степень болѣе высокой арміи. До снѣжъ поръ все, что придаетъ войску въ Италіи истинную силу, носить отпечатокъ своего происхожденія изъ сардинской арміи, которая внесла въ итальянское войско тѣмъ солдата и строгую, разумную дисциплину, связывающую въ одно цѣлое самый разнородный конгломератъ. Сверхъ того, сардинское войско сообщило всей арміи наклонность къ порядку, къ точности въ отправленіи даже самыхъ мелочныхъ служебныхъ обязанностей и къ строгому соблюденію всѣхъ правилъ солдатской жизни. Съ распространеніемъ убѣжденія, что забота о благосостояніи подчиненныхъ должна составлять одну изъ главныхъ обязанностей начальниковъ и что для надлежащаго сформированія солдата необходимъ надзоръ за нимъ и видъ его служебныхъ обязанностей, является въ солдатѣ особенное уваженіе къ офицерамъ, которымъ дана возможность имѣть непосредственное на нихъ вліяніе, не предоставляя этой обязанности, какъ въ Англіи и во Франціи, исключительно унтеръ-офицерамъ. Непосредственное же вліяніе на солдатъ офицеровъ, ихъ частое пребываніе вмѣстѣ, а также личное знакомство съ солдатскимъ бытомъ составляютъ, какъ известно, одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ поднятію и улучшенію духа въ войскѣ.

Необычайная подвижность всей итальянской арміи въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, постоянныя дислокаціи и сопряженные съ ними переходы и какъ бы освобожденіе войска отъ мирной, гарнизонной жизни и сопряженныхъ съ нею невыгодныхъ послѣдствій имѣли большое вліяніе на развитіе воинственнаго духа.

Менѣе благоприятное вліяніе на армію имѣетъ конституціонная форма государственнаго строя королевства. Между строго-организованнымъ войскомъ и всѣмъ представительнымъ началомъ существуетъ противоположность, рѣзко выходящая въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ войско, какъ отдѣльная и самостоятельная часть государственнаго организма, противопоставляется народному элементу. Король Карлъ-Альбертъ въ 1848 году, допустивъ армію свою сражаться заодно и наравнѣ съ демократією, далъ послѣдней возможность сообщить войску

делю демократическаго духа, который, вселенившись въ низинныя и притомъ самыя мелодныя частыя арміи, не только поддерживается въ нихъ послѣдними событіями, но болѣе и болѣе развивается. Особенно замѣтно это между унтеръ-офицерами, среди которыхъ много отуманенныхъ неопредѣленными понятіями о свободѣ и единствѣ (*liberta e unita*—слова, съ которыми связываются самыя разнообразныя представленія).

Если сословіе офицеровъ, въ силу своего основательнаго военнаго образованія, до сихъ поръ, несмотря на все затруднительность своего положенія, выказываетъ рѣдкое противодействие всѣмъ демократическимъ стремленіямъ и является ихъ рѣшительнымъ противникомъ, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ въ конституціонной формѣ государственной жизни большую склонность, чѣмъ сколько это можетъ быть дозволено. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ офицеры возбуждаютъ вопросъ *объ отпущеніи войска изъ государства*, при чемъ легко увлекаются воззрѣніями политическихъ партій страны.

Эта склонность къ конституціоннымъ увлеченіямъ должно считать одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ итальянской арміи: она болѣе всякой другой можетъ поколебать ея значеніе и существованіе.

Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что только въ дальнѣйшемъ развитіи столь ненормальнаго положенія въ будущемъ скрываются свойственныя ему опасности. Теперь же итальянская армія сознаетъ, что отъ ея вѣрности зависитъ будущая судьба Италія, и потому чужда всякихъ агитацій. Все это служитъ доказательствомъ, что чисто-военныя воззрѣнія имѣютъ пока рѣшительный перевѣсъ въ умѣхъ военныхъ людей итальянской арміи.

Корпусъ офицеровъ состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ. Небольшая сардинская армія, имѣвшая весьма образованныхъ офицеровъ, не могла снабдить ими всю итальянскую армію; а потому необходимо было обратиться къ другимъ источникамъ, наиримѣрь къ весьма значительному производству унтеръ-офицеровъ, не обладавшихъ достаточными познаніями. Этимъ-то офицеры и составляютъ въ настоящее время почти половину общаго числа офицеровъ итальянской арміи. Образованная часть офицеровъ, увлекая своимъ сослуживцамъ въ силу ихъ значенія и полезности для практической службы, отстраняетъ этимъ самымъ двойственностью (дурликомъ) изъ своей

средѣ, но не удвѣожаетъ ее. Внутреннее раздвоеніе между офицерами существуетъ и, проявляясь все въ болѣе и болѣе сильной степени, можетъ повести въ весьма серьезнымъ столкновеніямъ. Тягость такого положенія ощущается уже и нынѣ; но, принимая ее за одну изъ невыгодныхъ послѣдствій переходнаго состоянія арміи, полагаютъ возможнымъ избавиться отъ такого положенія, какъ скоро можно будетъ комплектовать всю армію исключительно офицерами, окончившими курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Будутъ ли солдаты и унтер-офицеры отстранены совершенно отъ производства въ офицеры, еще не рѣшено; офицеры являются пока не сословіемъ въ тѣсномъ значеніи слова, а просто *оборницею мира*, чуждымъ всякаго понятія о товариществѣ.

Выстрова, съ которою была сформирована итальянская армія, и тѣ обстоятельства, въ силу которыхъ на численный ея составъ и исключительно-военное обученіе массъ обращали гораздо болѣе вниманія, нежели на тщательное развитіе и образованіе солдата, невелики за собою недостатокъ въ средствахъ для возбужденія честолюбія и чувства собственнаго достоинства въ солдатѣ, а также для его самостоятельности и личности.

Столь же послѣдовательно, какъ и понятно явленіе, что армія, незамыкающая въ себѣ избытка народныхъ силъ и нечувствующая въ значительной степени наклонности считать себя за что большее и нѣчто иное, чѣмъ всѣ прочіе граждане, не ощущаетъ также наклонности и потребности представить нѣкоторымъ набраннымъ своимъ отрядамъ особенное значеніе и вышнія отличія. На этомъ основаніи мы не встрѣчаемъ въ итальянской арміи ни одного корпуса, ни одной части войскъ, переходъ въ которую поставленъ бы былъ въ зависимости отъ личнаго стремленія солдата и обусловленъ нѣкоторымъ образомъ его волею и достойными усиліями, отъ него вполне зависящими. Восемь гренадерскихъ полковъ арміи не имѣютъ ни малѣйшаго значенія отборнаго или почетнаго войска. Полки эти, подъ названіемъ четырехъ бригадъ (Сардинія, Ломбардія, Тоскана и Неаполь), представляютъ собою географическіе sprzęги, безъ всякаго соотношенія въ отношеніи мѣстности; они пополняются точно такъ же, какъ и всѣ прочіе 72 пѣхотные полки, и не имѣютъ никакого значащаго отличія.

И *барсальери* (спиральи) не могутъ считаться почетнымъ войскомъ въ общепринятомъ значеніи слова. Правда, стрѣлковая

части составлены изъ лучшихъ людей, но всѣ условія для поступления въ берсальери заключаются исключительно въ *природные* свойствахъ солдата, въ качествахъ, замещенныхъ отъ физическаго его устройства и сложения. Берсальери комплектуются непосредственно поскриптами, и ни одинъ солдатъ линейной пѣхоты, за отличіе по службѣ или за свои заслуги и достоинства, не можетъ быть переведенъ въ берсальери. И, несмотря на то, *просное сознание* въ большой степени способности къ военнымъ трудамъ и подвигамъ, единственно вслѣдствіе способа комплектованія и обученія, развиваетъ въ берсальерахъ чувство собственного достоинства, которое не останется безъ полезныхъ послѣдствій въ бою.

Третій родъ войска въ итальянской арміи, считающійся какъ бы отборнымъ, представляютъ собою карабинеры (*carabinieri*). Но они не принадлежатъ непосредственно къ составу арміи, а только комплектуются изъ ея среды, и притомъ въ такой степени, что средній качественный уровень арміи въ сильной мѣрѣ отъ этого страдаетъ, не представляя ей ни малѣйшей выгоды въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Карабинеры, не имѣющіе съ арміею ничего общаго, просто полицейскія команды, учрежденныя для охраненія безопасности и общественнаго порядка и достигшіе значительныхъ размѣровъ исключительно въ силу ненормальныхъ обстоятельствъ послѣднихъ годовъ. Корпусъ карабинеровъ, по причинѣ особенно тщательнаго выбора людей, спеціальнаго подготовленія ихъ къ служебнымъ обязанностямъ и независимости въ домашнихъ обстоятельствахъ—въ карабинеры назначаются или холостые, или бездѣтные вдовцы—является действительно образцовымъ войскомъ, но только не въ составѣ арміи.

На развитіе въ солдатъ самостоятельности обращено мало вниманія. Въ противоположность французской арміи, отличающейся развитіемъ чувства индивидуальности (*sentiment individuel*), личной самостоятельности, въ итальянской арміи забываютъ объ этой необходимой принадлежности всякаго солдата и не заботятся о поддержаніи въ немъ, до нѣвѣстной степени, довѣрія къ самому себѣ. Даже гимнастика и эстетика находятъ въ пренебреженіи.

Все обученіе арміи, въ теченіе года, происходитъ однообразно, безъ всякаго вниманія къ личности солдатъ. Ежегодно, въ военномъ министерствѣ, составляются для всякаго рода

оружія самыя подробныя описанія занятіямъ и упражненіямъ и разсылаются въ полки и команды для строгаго руководства и безусловнаго исполненія. Повѣрка и ревизія журналовъ полковыхъ занятій при инспектированіи войскъ, по окончаніи года, даютъ возможность удостовѣриться въ буквальный исполненіи разосланныхъ описаній. Такъ какъ ежегодно прекоидится сначала одна и та же школа, въ одномъ и томъ же для всѣхъ объемъ, то нѣтъ возможности сдѣлать раздѣленіе солдатъ на категоріи, смотря по ихъ познаніямъ и способностямъ; и крайне затруднительно дальнѣйшее развитіе и обученіе солдатъ, основательно знакомыхъ уже съ проходимею школою. Вообще говорятъ, что итальянская армія, въ нынѣшнемъ ея состояніи, не достигла еще полнаго своего развитія, т. е. не представляетъ еще собою однороднаго, органическаго цѣлаго. Все, что можно сдѣлать въ короткое время для достиженія этого, было сдѣлано. Все, что касается матеріальной части арміи, вооруженія, обмундированія и т. д., устроено рационально, и на началахъ соотвѣтствующихъ условіямъ военнаго времени, такъ что итальянская армія, въ этомъ отношеніи, не уступаетъ арміямъ прочихъ европейскихъ державъ.

Но нельзя не замѣтить, что и въ отношеніи матеріальнаго устройства есть много вещей, которыя не могутъ явиться разомъ, не вырастаютъ изъ земли по желанію или мановенію организатора, но требуютъ *времени* для надлежащаго ихъ осуществленія, и тѣмъ болѣе въ Италіи, гдѣ общее положеніе дѣлъ во многомъ противодействовало успѣшному осуществленію ихъ. Такъ къ числу не вполне сложившихся сторонъ можно причислить *самый составъ арміи*. Въ настоящее время она состоитъ по преимуществу изъ молодыхъ солдатъ и имѣетъ относительно лишь очень небольшое количество старослуживыхъ. Такими являются только подданные прежняго королевства Сардинскаго и Ломбардіи. Призывъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ орудію лицъ второй категоріи долженъ отвратить невыгодныя послѣдствія такого порядка; но въ действительности они могутъ быть устранимы развѣ по прошествіи *известнаго числа лѣтъ*.

То же можно замѣтить и относительно формированія резервовъ въ разнѣрахъ, соотвѣтствующихъ величинѣ постояннаго войска. Резервы до сего времени не могли быть доведены до надлежащаго состава.

Въ самой Италіи сознаютъ недостатки военной силы страны

и принимаютъ жертвы къ ихъ отстраненію. Итальянцы надѣются въ нѣсколько лѣтъ имѣть вполне хорошо-организованную армию. Но главнѣйшія условія для достиженія этой цѣли: время, внутреннее спокойствіе и миръ съ сосѣдними державами.

П. МАЙКОВЪ.

Французскій военно-уголовный кодексъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. (Code de justice militaire pour l'armée de terre). Переводъ съ дополненіями и поясненіями, Н. Максимовъ. 1866.

Въ виду предстоящей военно-судебной реформы, появленіе этой книги составляетъ важное приобрѣтеніе для нашей военно-юридической литературы. Изданіе на русскомъ языкѣ французскаго военно-уголовнаго кодекса, отличающагося многими достоинствами, въ особенности полезно для тѣхъ изъ нашихъ сослуживцевъ, которые, въ ожиданіи реформы, готовятъ себя къ военно-судебному поприщу, и которые, слѣдовательно, независимо отъ тщательнаго изученія нашихъ законовъ и вѣдь установившихся судебныхъ порядковъ, должны обогатить себя познаніями въ сравнительныхъ военныхъ законодательствахъ.

Въ ряду этихъ законодательствъ, безъ сомнѣнія, „французскій военно-уголовный кодексъ“ занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Выработанный высшимъ французскимъ правительствомъ и изданный, въ настоящемъ видѣ, въ 1857 году, кодексъ этотъ заключаетъ въ себѣ существеннѣйшія постановленія, появившіяся въ періодъ времени съ 1796 по 1814 годъ, въ періодъ почти исключительно военный, въ періодъ императора Наполеона I, а также послѣдующія дополненія и разясненія.

Французскій военно-уголовный кодексъ раздѣляется на четыре книги: 1) судостроительство; 2) предѣлы власти военныхъ судовъ; 3) судопроизводство; 4) о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Такъ какъ первыя три книги въ настоящее время, по сравненію съ обнародованными началами будущаго нашего военнаго судостроительства, являются, относительно, стоящими выше французскихъ постановленій, не представляють для насъ ничего особенно интереснаго, то г. Максимовъ, какъ онъ о томъ упоминаетъ въ

предисловіи, счелъ болѣе полезнымъ не дать русскій переводъ одной четвертой книги.

Эта часть заключаетъ въ себѣ, какъ видно изъ названія книги, постановленія о *преступленіяхъ*, *проступкахъ* и *наказаніяхъ*, установленныхъ въ отношеніи французской арміи.

Если военные законы и постановленія безусловно вліяютъ на складъ военного быта всякой арміи, то законы и положенія дисциплинарныя и военно-уголовныя отражаются въ духѣ и дисциплинѣ войскъ, существующихъ подъ нравственной охраной этихъ положеній. „Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ авторъ разсматриваемаго изданія—что французская армія по своей истинной дисциплинѣ есть армія образцовая, а потому военно-уголовныя законы, созданныя и укрѣпившія эту дисциплину, заслуживаютъ вниманія каждаго военного. И действительно—продолжаетъ г. Максимовъ—французскіе военно-уголовныя законы отличаются практическію, вѣрнымъ взглядомъ на взаимныя отношенія военнослужащихъ, весьма точнымъ опредѣленіемъ военныхъ преступленій и вѣрною традиціей наказаній.“

Соглашаясь съ мнѣніемъ автора о достоинствѣ французскаго военно-уголовнаго кодекса, считаемъ необходимымъ только добавить, что, по нашему мнѣнію, первое мѣсто въ ряду постановленій, вліяющихъ на выработку, развитіе и охраненіе „истинной дисциплины“, должно быть отдано постановленіямъ дисциплинарнымъ. Прежде всего, подъ неукоснительнымъ вліяніемъ этихъ постановленій, вырабатываются понятія военнослужащихъ о взаимныхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ ними и основанія для дисциплины войскъ.

Возвращаясь къ книгѣ, изданной г. Максимовымъ, считаемъ великимъ сказать о ея содержаніи. Какъ уже было упомянуто, она заключаетъ въ себѣ постановленія о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, которые, согласно оригиналу, сформулированы въ числѣ девяносто-двухъ статей (ст. 185—277). Статьи эти изложены въ трехъ главахъ, изъ которыхъ:

Первая глава заключаетъ въ себѣ постановленія о существѣ наказаній и о послѣдствіяхъ оныхъ.

Вторая глава—перечень преступленій и проступковъ, имѣющихъ непосредственную связь съ различными отраслями военной службы, а также преступленій и проступковъ, совершаемыхъ военнослужащими между собою.

Наконецъ, въ третьей главѣ, помѣщены общія положенія и временныя правила.

Затѣмъ, такъ какъ за преступленія и проступки, неупомянутые въ военно-уголовномъ кодексѣ, суды опредѣляютъ виновнымъ наказывается по общему гражданскому кодексу (Code pénal), то авторъ счелъ необходимымъ, въ видѣ приложения, помѣстить извлечение изъ общаго уголовного кодекса тѣхъ статей, на которыя сдѣланы ссылки въ военно-уголовномъ кодексѣ.

Кромѣ того, въ числѣ приложений находятся французскія постановленія: о состояніи (или званіи) офицера и о рекрутскомъ наборѣ; небольшія, но довольно обстоятельныя объясненія: „исключенія казней на прѣтѣхъ“ и „исключенія исправительныхъ военныхъ наказаній“, и наконецъ: „Таблица преступленій, проступковъ и наказаній за оныя по французскому военно-уголовному кодексу“.

Изъ этого краткаго очерка книги, изданной г. Максимовымъ, видно, что она составлена весьма обстоятельно и соответственно цѣли, а потому можетъ служить съ большою пользою для лицъ, желающихъ ознакомиться съ французскимъ военно-уголовнымъ кодексомъ; въ особенности же она можетъ быть полезна для лицъ, готовящихся къ военно-судебному приему.

Здѣсь встаетъ сказать слово о внѣшнихъ условіяхъ для изданія книгъ по военно-судебной части. Сколько извѣстно, французскія изданія, какъ по части разнаго рода уставовъ, положеній, инструкцій, а также и по военно-судебной части, какъ, напримѣръ, военно-уголовный кодексъ, и проч., имѣютъ чрезвычайно „портативный“ характеръ. Мы придаемъ этому условію нѣкоторое значеніе. Подобнаго рода изданія, въ особенности для военныхъ, непременно должны быть „укладисты“, удобны почти для карманной переноски; разнаго рода военныя справочныя и руководящія изданія, а тѣмъ болѣе законодательныя, входящія въ составъ небольшой настольной бібліотеки каждаго офицера, должны отличаться весьма уместнымъ форматомъ. Было бы желательно, чтобы будущія изданія по военно-судебной части, по мѣрѣ возможности, удовлетворяли этому условію.

*